

КРЕМЛЬ 2222

Сталкер

Дмитрий Силлов

Снайпер

Дмитрий Силлов

Кремль 2222. Сталкер

«АСТ»

2013

Силлов Д. О.

Кремль 2222. Сталкер / Д. О. Силлов — «АСТ»,
2013 — (Снайпер)

ISBN 978-5-17-079785-1

Сталкер ушел в Зону – и не вернулся. Непроницаемый Купол вознесся над МКАД, отделив поселение людей от сожженной Москвы, наводненной ужасными порождениями Последней Войны. Никто не верил в то, что сталкер может спастись... кроме его сына Артема. Парень находит способ проникнуть в Зону. У него нет ничего, кроме пистолета, ножа и веры в то, что отец все еще жив. Сможет ли Артем выжить среди хищных мутантов, обезумевших биороботов и тварей, порожденных Излучателями? Реально ли найти пропавшего человека в городе, где опасность подстерегает на каждом шагу? Но в любых мирах невозможное становится возможным, если рядом с тобой настоящие друзья. Снайпер, Японец, Ион, Шерстяной, Колян... Сын сталкера встретит их на своем пути, полном опасностей и приключений. Помогут ли знакомые герои постапокалиптической Москвы исполнить самое заветное желание Артема? И не окажется ли оно самым страшным его проклятием?

ISBN 978-5-17-079785-1

© Силлов Д. О., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Дмитрий Силлов

Кремль 2222. Сталкер

Памяти Аркадия Натановича Стругацкого, Бориса Натановича Стругацкого и Андрея Арсеньевича Тарковского посвящая этот роман

Автор искренне благодарит замечательного писателя Александра Мазина за бесценные советы, полученные от него в процессе написания этого романа; редактора Петра Разуваева за самоотверженную работу над межавторским проектом «Кремль 2222»; Павла Мороза, администратора сайтов www.real-street-fighting.ru; www.sillov.ru и www.kreml2222.com;

Алексея Липатова, администратора группы «Литературный проект «Кремль 2222» социальной сети «ВКонтакте» www.vk.com/kreml2222; корреспондента литературного портала www.litstalker.ru Сергея «Ион» Калининцева и администратора литературного портала www.stalker-book.com Виталия Градова за помощь в интернет-продвижении проекта «Кремль 2222», а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

– Вы, вероятно, имеете в виду сталкеров?

– Я не знаю, что это такое.

– Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в Зону и тащат оттуда все, что им удастся найти. Это настоящая новая профессия.

Аркадий и Борис Стругацкие/ Пикник на обочине

Их называли сталкерами.

Тех, кто, невзирая на смертельную опасность, покидал ворота Крепости и уходил к Границе Зоны.

Тех, кто был готов рискнуть жизнью ради благополучия других людей.

Тех, кто так часто не возвращался назад...

Потом про них слагали песни, которые можно было услышать у вечерних костров. Люди воспевали их подвиги, которых на самом деле никто не видел и о которых никто ничего не знал. Те, кто не вернулись, не могли ничего рассказать, а те, кто возвращались из Зоны, никогда ничего не рассказывали. Они молча разматывали завязки заплечных мешков и доставали трофеи... Пережженное в Полях Смерти оружие. Восстановленные предметы из далекого прошлого. Минералы необычной формы, видоизменившиеся в Полях и приобретшие новые, часто поразительные свойства. Или же – очень редко – черные кристаллы шамирита, за самый маленький из которых приграничные маркитанты давали полностью исправный автомат и кучу обновленных патронов к нему.

Мальчишки, с раннего детства мечтавшие о подвигах, часто донимали взрослых одним и тем же вопросом: как стать сталкером? Как можно научиться этому ремеслу?

Взрослые же пожимали плечами и отмалчивались, до поры до времени скрывая от мальцов очевидное. Никто и никогда не учил сталкеров проходить через Поля Смерти, противостоять полчищам мутантов, вольготно чувствующих себя на своей территории, добывать уникальные трофеи... и, совершив все это, возвращаться обратно. Подрастут – поймут, что сталкерство – удел избранных. Или сумасшедших, что, впрочем, одно и то же. Однако лишь благодаря смелости этих отчаянных людей и уникальным трофеям, добытым ими в недрах Зоны, долгие годы и десятилетия выживала Крепость. За эти трофеи маркитанты платили очень щедро – оружием, патронами, консервами, медикаментами... И это означало жизнь для

горстки людей, обитавших за толстыми бревенчатыми стенами. Жизнь на границе с мертвым городом, куда так часто уходили сталкеры...

Которые в последнее время так редко возвращались обратно.

* * *

– Тихо-то как.

Андрюха вытянул шею и, высунув нос из-под навеса, закатил глаза кверху. Типа, прислушался... Забавно. Стражу, конечно, положено держать ухо остро, но вот корчить при этом многозначительные рожи – удел молодняка, для которых караульная служба пока в новинку.

Артем был всего на полгода старше напарника, но при этом давно не позволял себе подобного. Точнее, ровно полгода, с тех пор как сторожевая служба на стене стала его постоянной обязанностью – впрочем, как и у всех парней его возраста, прошедших азы военной подготовки. По большому счету, работа несложная. Стой себе на стене, следи за тем, что внизу делается, да присматривай, чтоб напарник не уснул.

У напарника, кстати, задача аналогичная. Устав предписывает: коль товарищ начнет клевать носом, нужно спереть у него арбалет, а после двинуть кулаком в ухо. Дальнобойный арбалет предписывалось немедленно сдать начальнику стражи, после чего на стену присылали нового воина, а соню спускали в карцер досыпать. Хотя вряд ли уснешь в подвале, стены и пол которого сплошь покрыты серой плесенью. Ляжешь – и через четверть часа одежду разъест, а кожа покроется гнойными волдырями. Выход один: стоять на расчищенном пяточке площадью в четыре ладони и учиться не спать на посту. А поутру, получив свои десять плетей, вновь браться за арбалет и отправляться на стену. При этом никто не обижался на товарищей, понимая: если не доходит через слова, то иначе – никак. Иначе рано или поздно на посту заснут оба, и тогда Крепость обречена. Мутанты из Зоны только и ждут, чтобы перебраться через Границу и уничтожить маленькое укрепление – оплот ненавистных хомо...

Артем в который раз уже за сегодняшнюю ночь потрогал спущенную тетиву арбалета – не отсырела ли? И согласился с Андрюхой.

– Тихо. Уже третью ночь тишина, с тех пор как над МКАД стена выросла.

– Интересно было бы знать, какого шама мы тогда тут торчим? Ни мы в Москву попасть не можем, ни к нам оттуда ни единого мута за это время не пробралось. Чего караулим-то?

– Мало ли, – пожал плечами Артем. – Стена, как появилась ни пойми откуда, так и исчезнуть может.

И задумался.

Стена появилась два дня назад. Прямо из широкой ленты чудом сохранившегося асфальта вырос необъятный купол до небес, полностью накрывший сожженный город. Ночью факелов можно не зажигать – на полет арбалетного болта все вокруг видно, так сияет непробиваемая преграда. Жечь не жжет, подойдешь к ней – никаких особенных ощущений, только холодный свет переливается прямо перед твоим носом. А стукнешь по нему кулаком – и понимаешь: стена непрошибаемая, только руки об нее отбивать. Стрелы от нее отлетают, даже из автомата разок выстрелили ради эксперимента. В результате получили только рикошет, подбивший пролетающую мимо ворону. Дядька Федор только патрон зазря потратил, лучше б его на пяток мясных консервов у маркитантов обменял. Ощипанная дохлая ворона – это разве ж еда? Так, утешение на один зуб владельцу автомата – исправных АК в крепости всего-то восемь штук осталось после того, как в Зону ушел отец Артема. До этого было девять...

Об отце, который, если б не стена, давно должен был вернуться, Артем старался не думать. Потому как если начать вспоминать, то на глаза сами собой начинают наворачиваться слезы... А это для настоящего воина недопустимо, даже если тому воину едва минуло семнадцать весен.

– Про того доходягу, что пару дней назад возле ворот подобрали, ничего не слышал? – отвлек Артема от мрачных мыслей его напарник. Разговаривать на посту не возбранялось, главное, взгляда от открытого пространства за стеной не отрывать, а там – хоть обговорись.

– Не слышал, – качнул головой Артем.

Андрюха наверняка спросил для того, чтоб ненароком не начать клевать носом. Оттого и языками чесать сторожам совсем недавно разрешили. Трёп помогает. Сталкеры рассказывали, что нео, обезьяны человекоподобные, так те вообще орут во всю глотку свои «Не надоело?», когда охрану своих стойбищ несут. В общем, тема верная. И спать меньше хочется, и знаешь наверняка, что сторож не закемарил на соседнем посту. Получается, не такие уж те нео и обезьяны, если до такого додумались.

А насчет доходяги Артем и вправду ничего не знал. Парни из сменной стражи рассказывали: светать стало, и рассмотрели они с башни, что в нашу сторону с востока через Корявый лес какой-то тип ползет. Не видит уже ни черта, но все равно конечностями двигает. Так и полз, пока башкой дерево не протаранил. Долбанулся макушкой – и отрубился.

Ну парни доложили как положено старшему смены, тот отрядил двоих принести бесчувственное тело. Само собой, если при ближайшем рассмотрении оно человеком окажется, а не мутантом. Если мутантом, ясное дело, нести надо не в крепость, а в болото, добив тварь предварительно, чтоб не выплыла ненароком.

Но нет, тело все же оказалось человеком. Только грязным, словно земляной червь, и ободраным изрядно. Ну принесли его, сдали с рук на руки медикам. Те страдальца взяли и, как это у них принято, до сих пор ни черта никому не сказали насчет того, что это за тип, откуда он, куда полз и скоро ли на ноги встанет. Вредные они там, в своем медблиндаже, но без этого никак. Традиция. Скажешь, мол, выздоравливает человек – и тут же больному хуже становится. Бывает, что и помирает. А вот наоборот редко случается. Закон подлости. Потому и молчат медики до тех пор, пока больной сам, на своих двоих, наружу не выберется или пока его не вынесут из медблиндажа вперед ногами.

– Странно, да? Через Корявый лес прошел один, а с виду – дохлее дохлого. И оружия никакого. Может, потерял по пути, как думаешь?

Несомненная ценность Андрюхи как напарника в карауле была в том, что он мог молоть языком без устали. Звуковой фон, создаваемый им, постоянно давил на уши, отвлекал от тяжелых дум, заснуть не давал – что может быть лучше в карауле? Правда, раздражал порой. Но это так, эмоции, на которые не должен обращать внимания тот, кто мечтает когда-нибудь стать настоящим сталкером...

Небо, черное, словно старый могильный камень, стало немного светлее. Слева на огромном Куполе, вздымавшемся над Москвой, заиграли сверкающие, переливающиеся полотнища, похожие на гигантские полупрозрачные флаги. Красиво... Восход с появлением Купола стал завораживающим зрелищем. И жутким одновременно, как все непонятное, неизведанное, непознанное.

Артем вздохнул. Где-то там, возможно прямо за этой стеной, стоит сейчас его отец, глядя в сторону родной Крепости. Или бредет вдоль непреодолимой сверкающей преграды, надеясь отыскать выход. Хотелось верить, что это так. Хотя здравый смысл подсказывал – вряд ли. Если человек уходит за МКАД и не возвращается более суток, скорее всего, его уже нет в живых. А отец четвертый день находится за границей мертвого города...

Позади закрепились входы – широкая деревянная лестница, ведущая на стену Крепости. Артем обернулся.

Так и есть, смена пришла. Сергей и Денис, ровесники Артема, пока еще не получившие боевых прозвищ, кратких и емких, практически всегда одним словом говоривших о человеке очень многое. Например, дядька Федор, стрелявший в Стену, там, за МКАД, сразу теряет человеческое имя. В Зоне его товарищи, такие же сталкеры, как и он сам, зовут его Зубом. Дядька

Федор как-то схватился один на один с молодым нео и кулаком тому зуб вышиб. Обезьян, ожидавший легкой добычи, растерялся и выпустил сталкера из лап, за что и получил ножом в брюхо. Сдохнуть не сдох – убить нео очень непросто, даже подростка, – но от дальнейшей охоты отказался и свалил. А выбитый зуб остался лежать на земле. Теперь через просверленный клык обезьяна продета веревочка, которую дядька Федор не снимает со своей шеи ни днем ни ночью. Говорит, что зуб ему удачу приносит. Многие верят. Даже в недавнем рикошете усмотрели действие волшебного зуба – все-таки не впустую патрон пропал, какая-никакая, а добыча.

Артем подобные разговоры считал пустым трепом и суевериями. При этом он сам себе никогда бы не признался, что, как и все подростки Крепости, завидует матерым сталкерюгам, у которых есть все – хорошее оружие, трофеи, удача, слава, боевые прозвища... Везет же некоторым. Или не везет. Как отцу, например...

– Ну что, спокойно все? – поинтересовался Серега, широкоплечий малый, без ворота, одними руками способный влегкую натянуть дальнобойный сте-ношный арбалет.

Артем только кивнул.

– Пост сдал, – бросил он через плечо, направляясь к входу.

– Пост принял, – отозвался Сергей. – Да не убивайся ты так! Может, жив еще батька твой. Я, когда сюда шел, слышал, мол, тот чудик, которого возле Крепости подобрали, оклемался, и сейчас его Команч на инфу колет. Может, знает задохлик чего. Про отца твоего, например...

Артем остановился, обернулся.

– Сам-то в это веришь?

Под пронзительным взглядом молодого воина всегда самоуверенный, нагловатый Серега невольно отвел глаза.

– Вот и я уже не верю, – не дожидаясь ответа, произнес Артем.

О чем еще говорить? И так все ясно. Сейчас же программа одна: все мысли долой, добраться до казармы, зажевать сухпай (повара небось завтрак только начали готовить) и завалиться спать до обеда, так как тренировку после оного никто не отменял. Не поспал после караула – твои проблемы, воин. Меч, лук или арбалет в зубы – и вперед на полигон, шлифовать воинские навыки. Глядишь, если через пару лет Совет сочтет тебя готовым к походу за МКАД, сходишь в рейд в составе группы. А уже после нескольких рейдов, если жив останешься, конечно, можно и в одиночный поход попроситься, что выгоднее намного – половина трофеев твоя. Правда, и риск возрастает безмерно... В ином же случае расклад прост: половина по-любому отходит на нужды крепости, оставшаяся часть делится поровну между всеми участниками похода. Потому отец Артема всегда ходил за МКАД в одиночку...

«Так. Решил же – не думать, – мысленно ругнул себя Артем. – Вот и не думай. Жрать, спать – и точка. А то ж так недолго и...»

Что там «недолго», молодой воин додумать не успел – до ушей Артема донеслись грубые мужские голоса, приглушенные бревенчатой стеной. Парень как раз мимо командирского блиндажа Команча проходил, из небольшого окошка которого обрывок разговора и долетел.

Артем не имел обыкновения греть уши на чужих беседах, но тут несколько сбавил шаг. А потом и вовсе остановился. Глянул быстро по сторонам, не видит ли кто, после чего сделал пару шагов по направлению к углу бревенчатой постройки, встал на одно колено, типа шнурок завязать, и весь обратился в слух.

Говорят, что прозвищу «Команч» более двухсот лет. Когда-то на месте Крепости была разведшкола, замаскированная под лесной пионерский лагерь, а перед Последней войной – под воинскую часть. Соответственно, аббревиатура «команч» расшифровывалась как «командир части». Так уже несколько поколений называли начальника сначала подземного бункера разведшколы, в котором укрылись люди, а после выхода на поверхность – деревянного укрепления, спешно возведенного на месте древнего учебного центра для разведчиков. От самих

зданий за двести лет ничего не осталось, но люди решили не уходить с насиженного места. И вот почему.

Во-первых, под землей отлично сохранился трехъярусный тренировочный бункер, в котором когда-то проходили спецподготовку будущие разведчики. Люди за много лет, минувших после Войны, полностью переоборудовали его под автономный комплекс выживания, благо для этого имелось практически все необходимое – свою разведку тогдашнее государство снабжало самым лучшим оборудованием. Так что, случись чего, всегда можно обратно под землю нырнуть, где уже никакая тварь тебя не достанет.

Во-вторых, место было уж больно хорошее. От лишних глаз окруженное непроходимым лесом и болотами, но в то же время и до МКАД рукой подать, за которой – немеряный клондайк трофеев, так необходимых людям. Старики рассказывали, что именно энергетический щит и спас Москву от полного уничтожения при ракетном ударе. При этом все считали, что тот щит не что иное, как легенда. В том числе, так думали и сами рассказчики, услышавшие об эдаком чуде от своих дедов. До тех пор, пока энергетический купол из древней сказки вновь не взметнулся над мертвым городом...

Поэтому вполне понятно, что, как только неведомый выползень из Корявого леса немного пришел в себя, Команч тут же потребовал его к себе. Конечно, мужики пытаются расчищать поляны под посевы – лес выжигают, потом пни корчуют, собираются по весне высадить картошку и лук уже не в бункере под землей, а на своих полях. Да только прокатит или нет та задумка – большой вопрос. А вот если в ближайшее время не откроется проход в Москву, то, скорее всего, рано или поздно придется переселяться на другое место. В основном-то Крепость жила за счет торговли с вешкинскими. Всё, что приносили сталкеры с мертвых территорий, предлагалось купцам из огромной крепости Вешки, которая расположилась в двух километрах к северо-западу. Говорят, до Последней Войны там было несколько коттеджных поселков с общим названием Вешки.

Соседи выжили в индивидуальных бункерах, которые понастроили богатеи под своими домами перед Последней Войной. Между «академиками» и «вешкинскими» издавна существовал торговый обмен, еще с тех пор, когда люди на поверхность только в противорадиационных костюмах выходили. «Вешкинские» в мертвый город соваться не любили, предпочитали торговать с отмороженными «академиками», при этом смотря свысока на небогатых соседей. Те же, в свою очередь, посмеивались над богатеями, считая тех, мягко говоря, неважными воинами. Однако все это не мешало крепостям-соседям каждую весну навещать друг друга в гости за невестами во избежание вырождения от кровосмешения. При этом родственных связей между двумя родами не возникало – девушка уходила к соседям с концами, забывала отца с матерью, и отныне близкими людьми считала лишь своих новых соплеменников. Жестоко, конечно, но все понимали – по-другому нельзя. Выживание рода превыше всего, и коли девка становится его частью, то все корни надо сразу выдирать из чужой земли. Хоть и соседи «вешкинские» с «академиками», а все ж каждые сидят за своими стенами, и для чужих там места нет.

В общем, проход в Москву сейчас был вопросом первостепенным. Потому Команч, сидя в своем «кабинете» один на один с пришлым, усердно колот того на инфу. Не расколется – значит, начальник Крепости применит экспресс-допрос, Команч это хорошо умеет... Кстати, «вешкинские» между собой частенько похихатывали – мол, «академики» комнатуху в бревенчатом срубе гордо именуют кабинетом, небось не представляя, что это такое. И другие словечки странные употребляют. Дознание у них называется «колоть на инфу», пытки при дознании – «экспресс-допрос», добытчиков своих вообще «сталкерами» кличут...

Ну первое, второе и далее Артему было понятно, говорят, термины такие с древности сохранились, еще со времен разведшколы. А вот насчет сталкеров – вопрос. Про то лишь слухи в крепости ходили. Кто-то говорил, что слово это два великих писателя в древности при-

думали. Другие утверждали, мол, из старинных черных книжек оно пришло, которые нынче только члены Совета имеют право в руках держать. Одна из них вроде так и называется – «Сталкер». Только как оно на самом деле, никто до сих пор так и не знает...

– ...значит, ты ученый-химик с территории бывшего нефтеперегонного завода в промзоне Чагино? – донесся до Артема голос Команча.

– Да. Я родом из поселения Химиков, которое возникло на месте бывшего химкомбината...

Голос ученого был еще очень слаб, и Артему приходилось прислушиваться, чтобы разобрать слова.

– Так почему тебя изгнали из промзоны?

– Два дня назад я проводил эксперимент с новой взрывчаткой и немного не рассчитал пропорции составляющих... В общем, получилось так, что я взорвал производственный цех. Хорошо еще, что никто не погиб...

– Как я понимаю, это не первый твой косяк, – усмехнулся Команч. – Первый могли бы и простить.

Послышался тягостный вздох.

– Они не понимают... Они считают физику бесполезной наукой. Я же интересуюсь ей с детства. Правда, втайне. Но ведь только на стыке химии и физики возможны реально потрясающие открытия...

– Понятно, – вторично хмыкнул Команч. – После того как ты поднял на воздух производственный цех, твои детские увлечения всплыли наружу. Из-за чего тебя, собственно, и выперли из клана. Но меня интересует не это. Два дня назад Купол уже появился над мертвым городом. Давай колись, Архимед, как тебе удалось выбраться за МКАД?

– А что мне оставалось делать? – удивился ученый. – Соплеменники, провожая меня в последний путь, выдали мне лишь припасов на три дня, нож, флягу с водкой и аптечку. В городе пропасть мутантов, каждый норовит тебя сожрать, и того, что у меня было с собой, явно недостаточно для выживания...

– Я не об этом.

В голосе Команча послышалось легкое раздражение.

– Как ты сумел выбраться? Купол же непроницаем!

– Ах, вы об этом... Да проще простого. Если я скажу несколько слов о «квантовой запутанности», вы поймете меня?

– Ээээ... – неуверенно протянул Команч, – Ну давай попробуем...

– Не волнуйтесь, это проще простого. Защитный Купол Москвы разрабатывался в Сколково как парадоксальный поток сверхтяжелых частиц третьего поколения. Это тау-частицы, тау-нейтрино и t-кварки. В обычных условиях они не живут и миллиардной доли секунды! Но благодаря шамириту эту проблему удалось решить! Шамирит позволяет не только создать искаженное тороидальное поле разгона, в котором эти частицы живут невообразимо долго, но еще и постоянно подпитывает их энергией неясной природы. Вы представляете себе, что случается при столкновении частицы массой сто восемьдесят девять масс протона с материальным объектом?

Команч промычал что-то невнятное.

– Я поясню, – успокоил его ученый. – Шамирит позволил создать активные сцепки тау-нейтрино и t-кварков, благодаря которым защитный Купол стал непроницаемым для материальных объектов. Правда, для стопроцентного эффекта этого оказалось маловато. Из-за избыточной нагрузки Излучатели стали давать перебои. На отдельных участках Купола сцепки тау-нейтрино и t-кварков стали нестабильными, и некоторые ракеты противника во время Последней Войны все-таки пробились через защиту. Но все же Купол свою функцию выполнил – иначе на месте Москвы сейчас была бы лишь очень глубокая воронка...

– Дьявол тебя побери! – взорвался Команч. – Все это, действительно, элементарно, доступно, понятно и очень увлекательно. Но мне нужен ответ только на один вопрос: как ты прошел через стену Купола?!

– Для этого у меня было все необходимое, – слегка обиженным голосом проговорил ученый. – Вернее, почти все.

– Очень интересно, – подбодрил ученого Команч.

Но тот не нуждался в дополнительной мотивации.

Он вновь сел на любимого конька, и его опять понесло.

– Вы же наверняка знаете, что иногда в старых аккумуляторах на военной технике использовался литий либо редкоземельный барий. Кладбище старых боевых машин находилось неподалеку от Чагино, и мне удалось добраться до него засветло. В моей аптечке была щепотка порошка, который мы используем как присыпку для ран. Это отходы от шамирита, нагар, который остается в тепловых пистолетах маркитантов. Они продают его за очень небольшие деньги – этот порошок останавливает кровь, правда, все нормальные люди предпочитают бинты. А еще в аптечке было слабительное.

Ученый сделал многозначительную паузу.

– Ты намазал Стену своим дерьмом, и Купол стал проходимым? – предположил Команч.

– Разумеется, нет! В состав слабительного входит фенолфталеин, который является индикатором на щелочь. При добавлении раствора фенолфталеина в щелочь она становится рубиново-красной, похожей на кровь. Через полтора часа поисков я нашел аккумулятор, который содержал не кислоту, а именно щелочь. Смешав щелочь с нагаром шамирита, я получил небольшой пузырек раствора, который позволил пройти сквозь стену Купола. Кстати, если бы щелочь оказалось не бариевой, а литиевой, я бы сейчас с вами не разговаривал – скорее всего, я бы распался на атомы при попытке прохождения через поток сверх-тяжелых частиц.

– Ты хочешь сказать, что с пузырьком какой-то дряни прошел стену Купола, которую даже пуля не берет? – хмыкнул Команч.

– При контакте этой, как вы выразились, дряни с потоком частиц она испаряется, порождая туман, через который можно пройти на ту сторону, – с обидой в голосе проговорил ученый.

– Хрень собачья, – отрезал Команч. – Купол не берут стрелы и пули, а ты мне чешешь, что порошок для поноса, старая жижа из аккумулятора и отходы шамирита помогли тебе пройти через него? Слышь, физик, или ты мне сейчас говоришь все как есть, или...

Дальше Артем слушать не стал. Во-первых, в конце улицы наметилось какое-то движение – наверно, мужики шли на работу. Во-вторых, он узнал все, что хотел узнать.

Артем отклеился от бревенчатой стены и с трудом разогнул изрядно затекшие колени. По идее, дальнобойный арбалет можно было и не сдавать в Арсенал – все равно через сутки снова идти на стену Крепости. На это незначительное нарушение начальство всегда закрывало глаза. Но сегодня – другое дело...

* * *

Дежурный по Арсеналу недоуменно поднял брови. С чего бы это Артем ни свет ни заря прямо со смены приперся на другой конец Крепости? Ночью опять крысособаки под стеной шалили и у парня арбалетные болты закончились? Непохоже, вон как колчан распирает. Или решил в кои то веки Устав соблюсти и штатное оружие сдать?

– Чем обязан? – осведомился рябой дежурный, подходя к решетке и прикрывая ладонью зевок. – Сам не спишь и другим не даешь...

Решетка, кстати, в Арсенале была серьезная. Она перегораживала длинный сруб от пола до потолка, оставляя для посетителей от силы четверть площади помещения. Оно и правильно: пришел, оружие и ценные находки просунул дежурному через небольшое окошко –

и проваливай. Остальное пространство, то, что за решеткой, сплошь занимали стеллажи с мечами, секирами, ножами, короткими метательными копьями-сулицами, арбалетами, боевыми кистенями... Отдельно имелась длинная стойка для автоматов, да только мало их было в той стойке... А в глубине помещения – огромный сейф. На его полках всякие интересные вещи хранились, которые сталкеры в зараженной зоне находили. Ключ от сейфа был один, только у дежурного, передавался по смене вместе с ключом от решетки Арсенала и из помещения не выносился ни под каким видом. Безопасность превыше всего.

– Да вот, не свезло, – скривился Артем. – Шел со смены, да попался Команчу под горячую руку. Он давай орать, мол, на Устав все забили, охрана стены каждую новую смену по всей территории свободные дальнобойки ищет. Пришлось сюда переться. Принимай вот.

Артем просунул дальнобойный стеношный арбалет сквозь щель решетки.

Дежурный пожал плечами.

– Вот Команчу с утра нейметя. Спасибо сталкерам, прошли те времена, когда у нас дальнобоек не хватало. Материалов они натаскали не до фига, но достаточно, чтобы дефицита не было. Давно пора в Устав изменения внести...

Дежурный взялся за ложе тяжелого арбалета, готовясь принять его у молодого воина, – и не удержался на ногах, когда Артем неожиданно рванул оружие обратно на себя.

Рывок был настолько сильным, что дежурного буквально впечатало в решетку. Крепкая рука, просунувшись сквозь прутья, ухватила его за ворот. Горла дежурного коснулась холодная сталь засапожного ножа.

– Ключи давай, Никодим, – спокойно произнес Артем.

– А то что? – прохрипел слегка придушенный дежурный. – Зарежешь?

– Зарежу, – просто сказал Артем. – Мне на ту сторону МКАД надо, отца выручать.

И слегка надавил лезвием на кадык пленника. Одно неосторожное движение – и всё. За воротник и так уже потекла теплая струйка, ножи у охраны Крепости острые...

– Ты ж понимаешь, что теперь хана тебе.

В изменившемся голосе дежурного Артем расслышал нотку сочувствия. Оно и понятно, по Уставу за измену в Крепости наказание жестокое – недолгий поход в ближайшее Поле Смерти. Но Артем уже принял решение.

Однако все оказалось не так просто. Чтобы взять ключи, звякнувшие в ладони дежурного, надо было его отпустить – руки-то заняты. Это и сам Никодим понял, осторожно усмехнувшись.

– Дальше что?

– Бросай через решетку.

Два ключа на колечке с брелком – тупым наконечником стрелы – упали возле сапога Артема.

– Только не дури, Никодим, ладно? – попросил молодой воин. – Ты ж знаешь, как я стреляю. Не вынуждай.

И отпустил пленника.

На мгновение в помещении повисла мертвая тишина. Лишь было слышно, как бьется об мутное стекло крошечного оконца жирная квазимуха, случайно залетевшая в сруб и теперь тщетно пытающаяся вырваться на волю...

Никодим медленно поднял руку, провел по шее, глянул на окровавленную ладонь – и вдруг сорвался с места. В три прыжка преодолел расстояние до ближайшего стеллажа, схватил сулицу, развернулся, готовясь метнуть в обидчика смертоносное копьё... и вдруг отлетел к оконцу, грянувшись спиной о стену и спугнув свободолюбивую муху. В его плече торчал арбалетный болт.

Артем скривился от боли. От резкого, рывком, натягивания тетивы арбалета без защитных перчаток лопнула кожа на трех пальцах. Но ничего, не смертельно, переживем. Никодиму сейчас в разы больнее.

– Зря ты это, – сказал Артем, отпирая решетку. – Только не ори, ладно? Тогда точно зарежу.

– Устав... – прошипел дежурный, прищипленный к стене широким наконечником. Короткий болт с малого расстояния насквозь пробил наплечник вместе с плечом и глубоко вонзился в бревенчатую стену.

– Понимаю, – кивнул Артем, подходя к пленнику. – К тебе у народа никаких претензий не будет, ты все сделал правильно. В отличие от меня. Потерпи немного. Кость точно не задета, только мышцу пропороло. Через месячишко будешь как новенький.

И достал из кармана кляп.

Правильный кляп, с завязками на затылке, чтобы пленник не выплюнул кожаный мешочек, плотно набитый тряпками, был у каждого охранника. Как и путы на случай, если придется вязать пленного мутанта: изредка охрана крепости по личному заданию «команча» брала «языка», которому потом все равно путь был один – в болото. Но на этот раз пришлось обездвигивать своего. Тяжело было на душе Артема, когда вязал он дежурного, но, если не сделать этого – все насмарку. Не обидно погибать в Поле Смерти, зная, что выполнил все задуманное. Умирать зазря страшно.

Парень ловко связал ноги Никодима, заткнул рот – и только сейчас заметил, что пленник без сознания. Ну да, болт перебил нерв, волна боли затопила мозг, плюс кровопотеря – и здоровенный мужик вырубился по совокупности факторов. Черт, не помер бы...

Артем резким движением рванул дежурного за плечо. Безвольное тело рухнуло наземь. Одно незаметное движение – и в руке парня вновь оказался засапожник, которым он ловко перерезал ремни, фиксирующие наплечник. После чего Артем взялся за стальное полушарие, в котором застрял наконечник болта, и рванул.

Короткая арбалетная стрелка, лишенная оперения, легко вышла из раны. Полилась кровь. Артем быстро сунул нож обратно за голенище сапога, после чего ловко наложил на рану тугую повязку – этому каждого в Крепости учили с детства. Вздохнул, довольный работой... и еле успел уйти от удара.

Пока он возился с повязкой, дежурный, умело притворившийся безвольным валенком, здоровой рукой вытащил нож из-за голенища Артема и попытался его пырнуть. Причем небезуспешно.

Артем был в легком кожаном доспехе, которым снабжались все охранники крепостной стены. Только на груди и животе нашиты обрывки старых кольчуг, с боков же ничего, лишь ремни, стягивающие на фигуре не особо надежную защиту. Вот туда, меж сходящихся краев кожаного доспеха, и вошел клинок. Будь Никодим в полной силе, тут бы Артему и конец пришел. Но удар раненого дежурного оказался хоть и точным, но недостаточно мощным. К тому же Артем, в последний момент уловив боковым зрением движение, успел немного отшатнуться – но не настолько, чтобы полностью уйти от удара.

Послышался легкий треск разрываемой нательной рубахи, по бочине тут же потекло теплое.

– Ах ты...

Артем коротко, без замаха ударил по вооруженной руке дежурного, уже готового нанести второй удар. Нож упал на пол и, вращаясь по инерции, полетел под стеллаж. Никодим попытался ударить противника кулаком, но Артем был в более выигрышном положении. Заблокировав левой руку дежурного, он нанес удар с правой, в край челюсти, как учил отец.

Голова Никодима мотнулась в сторону, глаза моментально закатились. Теперь он гарантированно был в отключке.

– Ну вот мы и квиты, – морщась от боли в боку, проговорил Артем, связывая веревкой запястья Никодима. После чего быстро развязал ремни своего доспеха и осмотрел рану.

Паскудно. Хотя могло быть и хуже. Нож, направленный точно в сердце, прошел на два пальца ниже и, скользнув по ребру, лишь распорол кожу. Рана не опасная, но кровищи много. По идее, надо бы зашить, но времени нет. Того и гляди, кто-нибудь в арсенал с утречка зайвится и увидит картину маслом...

Поэтому Артем, задрвав доспех, лишь наложил на рану чистую тряпицу и наспех обмотался застиранным бинтом из аптечки. Будет время, с раной разберемся. Сейчас не до этого.

Застегнуть доспех обратно, затянув его потуже, чем обычно, – занятие привычное и минутное. Можно на ходу узлы вязать, пока к сейфу идешь. Что Артем и сделал, запаковавшись так, что захочешь дыхнуть полной грудью, а не получится, как ни старайся. Зато кровь быстрее остановится и рана не протечет на штаны. Во всяком случае, очень хочется в это верить.

Ключ легко провернулся в смазанном замке, и тяжелая дверь сейфа, больше похожего на огромный шкаф, отворилась.

Вот оно, главное сокровище Крепости...

На полках сейфа лежали укупорки патронов, помеченных красной надписью «восстановлено». Говорят, вёшкинские барыги выменивают их у маркитантов, полулегендарных воинов-торговцев, промысляющих в зараженной Зоне. Сталкеры Крепости вроде как ни разу тех маркитантов не встречали, во всяком случае, не рассказывали об этом. Хотя, конечно, хорошо было бы торговать с ними напрямую, без посредников. Но всем известно: отходить от МКАД в глубь разрушенной Москвы более чем на полкилометра – верная смерть. Чем дальше от Границы, тем чаще на пути смельчака встречаются ужасные мутанты, Поля Смерти, хищные растения и различные ловушки – гнойники, провалы, ледяные гейзеры... Непонятно, как те маркитанты умудряются жить в Зоне.

Еще лежали на полках несколько гранат, рядом с ними коробка с запалами. На нижней полке были аккуратно разложены пистолеты Макарова, аж целых одиннадцать штук. Воронение на них почти стерлось от времени и долгого употребления, но в целом оружие было годным. Говорят, с этими пистолетами еще до Последней Войны в тире академии занимались огневой подготовкой будущие разведчики. И раньше было тех «Макаровых» больше чем сейчас раз эдак в пять. Но ресурс стволов – вещь упрямая, да и пропадало оружие порой в Зоне вместе с людьми. Так что оставшийся огнестрел берегли в крепости как зеницу ока.

Но у Артема выбора не было. Зато была цель, ради которой он посягнул на суровые законы Крепости. Потому, хочешь не хочешь, а придется идти до конца.

Автомат незаметно не пронести, а пистолет можно вполне, если засунуть его за ремень штанов, а сверху прикрыть лапами кожаного доспеха. И в карманах пара запасных магазинов разместится вполне. Правда, больше на себе не унести. Например, граната непременно карман оттянет, и наметанный глаз бойцов крепости сразу ее вычислит. Потому Артем решил не рисковать и обойтись лишь карманной артиллерией.

Один пистолет выглядел как новенький, будто только с завода. Артем помнил: его в Зоне отец нашел. Говорил, что нашел. В крепости тут же определили: ствол восстановленный в Поле Смерти. У Команча сразу глаза загорелись, но он с собой справился, приказал ствол в сейф положить, для общего пользования. Все же правильный мужик Команч. «Нулевой» «макар» в сейфе пылится, а сам командир ходит с убитым в хлам ГШ-18. Хотя, может, оно и правильно чисто политически. ГШ в Крепости один-единственный. Команч тоже в одном экземпляре, аналогов нету. Значит, ствол у него типа знака отличия, как погоны в старину. И в Арсенал он его может не сдавать, про то специально в Уставе оговорено. Иначе б Артем все-таки ГШ спер, чисто из-за емкости магазина. А так пришлось «макаром» ограничиться, тем самым, отцовским...

Еще в сейфе была самая верхняя полка для наиболее дорогих и неопознанных артефактов, найденных в Зоне. Практически пустая в настоящее время. Лежал на ней маленький кожаный мешочек с несколькими крошечными кристаллами шамирита, и стояла пузатенькая колба из толстостенного стекла, на треть заполненная жидкостью вишневого цвета.

«При добавлении раствора фенолфталеина в щелочь она становится рубиново-красной, похожей на кровь», – промелькнули в голове Артема слова ученого. Если вдобавок колба в сейфе стоит на полке для наиболее ценных трофеев, значит, оно. К гадалке не ходи, та самая жидкость, благодаря которой тот дохляк выбрался из-под Купола.

Артем осторожно взял колбу, зачем-то понюхал плотно притертую пробку и аккуратно спрятал трофей в нагрудный карман. Ну вроде все, осталось только под стеллаж за ножом слазить.

Однако ползать под широкими полками парень не стал. Нож-то все равно типовой, откованный в местной кузне. Их и на самих полках лежало немало. Артем взял первый попавшийся, да еще на всякий случай метательных ножей захватил пяток. Оружие немудреное – заостренная и заточенная полоска металла, у которой вместо рукояти хвостовик бечевкой обмотан. А пригодиться может, мало ли.

Ну вот вроде и все. Арбалет, конечно, жаль. Стрелять из него Артем был большой мастак – народ парня лучшим арбалетчиком в крепости считал, после его отца, конечно. Но любимое оружие придется оставить здесь, из крепости с ним не выйдешь. Даже к стене не подойдешь, сразу вопросы начнутся, мол, на хрена с оружием не в свою смену по территории шастаешь? Так что придется идти налегке, без нормальной брони, рюкзака, спальника и провизии. Кусок хлеба и шмат вяленого мяса, изъятые у Никодима, не в счет. Это не еда для семнадцатилетнего парня. Это так, на один раз перекусить. О том, что случится с ним через сутки, если удастся пройти через Купол, Артем старался не думать. О том, что будет, если пройти не удастся, – тоже...

Парень вытащил магазин из рукоятки пистолета, снарядил его патронами, защелкнул обратно, передернул затворную раму, поставил оружие на предохранитель и сунул в кобуру, которую заранее подвесил к поясному ремню. После чего проверил, не топорщится ли пола доспеха, прикрывающая кобуру, запер решетку, сунул ключи в карман и покинул душное помещение.

«Интересно, сколько у меня времени до того, как кто-нибудь припрется в Арсенал, найдет Никодима, дознается у него, кто посмел посягнуть, и все такое?»

Думалось легко, шагалось тоже. Рана вроде больше не беспокоила, как, впрочем, и совесть. Хотя, по идее, должна была бы. Но нет, ничего в душе эдакого даже не шевельнулось. У каждого своя правда, та, которая ему удобнее. Когда отец Артема таскал из Зоны трофеев втрое больше любого другого сталкера, все было замечательно. Все его уважали, слова говорили лестные. А как сгинул добытчик за неведомой Стеной, так поковыряли ее маленько, повздыхали – и разошлись. И не вспоминали более о том, вето за ней остался. Что толку говорить про сталкера, которому уже ничем не поможешь? Правильно, незачем, только настроение себе портить.

Артем же считал иначе, хотя виду не показал. Можно было бы, например, попытаться подкоп под Стену сделать. Или у вёшкинских тепловой пистолет попросить взаймы, который спиртом и шамиритом заряжается, да из него попробовать Купол прострелить. Артем предлагал, но все только отмахнулись от парня. Какой подкоп? И так ясно, что Стена на много метров в землю уходит. Какой пистолет? А сколько за него вёшкинские заломят? В Крепости каждая крупинка шамирита на счету, а сталкеру, что за стеной сгинул, все равно уже ничем не помочь. Все как-то сразу решили, как Купол увидели: помочь нельзя, и все тут.

Сын пропавшего сталкера с народом спорить не стал, зная, что бесполезно. Он просто ждал знака, момента, случая, уверенный, что тот будет рано или поздно. Ждал – и дождался...

Что именно он будет делать в следующую секунду, Артем не знал. План рождался по ходу действия. Услышал про жидкость, которая открывает Купол, – значит, надо ее достать. Достал жидкость – теперь надо придумать, как выбраться из Крепости.

«Так. Ворота не откроют по-любому. Вырубить стражу? Хе-хе, смешно. Квакнуть не успеешь, как утыкают болтами, словно подушку для иголок. Остается одно».

Он шел вперед не быстро, не медленно – так, чтобы не привлекать особого внимания, но и не тормозить без надобности. Со стороны посмотреть – спешит человек по своим делам, задумался. Ну и пусть идет себе, мало ли чего забыл на крепостной стене молодой воин, пока дежурил, может, обронил что.

Между тем широкая стена Крепости приближалась. Изнутри на нее вели широкие лестницы-всходы. Наверху – широкое забрало, по которому туда-сюда стража ходит. И тын, колья, заостренные в ряд, меж которыми в дереве прорезаны бойницы. Немудреная стена, высотой лишь в три человеческих роста, состоящая всего-то из двух рядов бревен, натканных в землю вертикально. Меж бревнами – утрамбованная земля. В общем, далеко не сказочный Кремль, который, говорят, в старину целиком из кирпичей сложен, и стены у него аж до сорока локтей высотой. Врут поди старики, как им их деды ввали. На то ж они и сказки...

Под сапогами Артема заскрипели всходы, высушенные летним солнцем. Вон оно, только-только показалось из-за Купола – и сразу же скрылось за свинцовыми тучами, словно закуталось в привычную одежду.

– Забыл чего, Артемка?

Сергей обернулся на скрип и удивленно поднял брови. По всем раскладам, отстоявший ночную смену стражник должен был спать в общинном доме без задних ног, а он, понимаешь, снова на стену приперся.

– Забыл, – улыбнулся Артем. – Как и все мы забыли, причем быстро и накрепко. А сейчас вспомнил я и вот вернулся.

– Не понимаю, – нахмурился Серега. – Шел бы ты отсюда спать, а то увидит Команч, будет нам всем на орехи за то, что стрелок вне смены на посту околачивается.

– На орехи, – задумчиво протянул Артем. – А ты знаешь, друг, что это такое, орехи?

И, поймав непонимающий взгляд охранника, произнес:

– Вот и я не знаю... Говорят, шарики такие были до Последней Войны, на кустах росли. Или на деревьях, не помню точно. Вкусные...

– Короче, дружище...

Серега шагнул вперед, намереваясь положить неслабую лапицу на плечо Артема. Но тот, ловко увернувшись, шагнул к тыну, легко подтянулся на руках... Мгновение – и тело парня оказалось по ту сторону крепостной стены.

– Куда?!!

Серега кинулся к бойнице и успел увидеть, как Артем, приземлившись на ноги, ушел в пережат, гася инерцию падения. После чего встал, помахал рукой и пошел себе к краю леса, туда, где над корявыми деревьями вздымалась сверкающая громада Купола.

Сергей растерянно оглянулся. Справа-слева к нему подходили другие охранники, видевшие прыжок Артема.

– Чё это он? – осведомился Денис, подошедший первым.

– Да не он его знает, – раздраженно бросил Сергей. – Похоже, ночью закемарил и башкой об бревно приложился. Чуть нес несусветную про Последнюю Войну и какие-то вкусные шарики, а потом – раз! – и вниз спрыгнул.

– Может, застоялся ночью, прогуляться решил? – неуверенно протянул Денис, глядя вслед удаляющейся фигуре.

– Ну вот, еще один тыквой тронулся, – вздохнул Серега. – Для этого чё, надо со стены прыгать? Если совсем с катушек соскочил, ходи себе после смены по территории Крепости кругами, пока санитары в медблиндаж не заберут...

Позади, со стороны Арсенала, слышались крики. Сторожа обернулись, гадая, кого это там раздирает с утра пораньше.

– Что за денек? – покачал головой Сергей. – Еще, что ль, кто надумал со стены сигануть, а его не пускают?

– Стреляйте! Стреляйте!!!

От Арсенала к крепостной стене бежали несколько человек, но пока из-за расстояния не разобрать кто.

– Куда стрелять? – недоуменно спросил Денис.

– Хрен его знает, – почесал затылок Серега. – Но куда-то, наверно, надо.

– Стреляйте! Изменник!!! – донеслось до сторожей.

– Слышь, Серега, так это сам Команч, – протянул Емеля, не самый лучший стрелок, зато самый глазастый. – А с ним это... Два сталкера и мечники...

– Что за итить твою мать? – растерянно произнес Денис. – В кого стрелять-то?

Сергей был на целый год старше своих товарищей, а значит, умнее. Он уже допер, в кого требовал стрелять командир Крепости. Но выполнять приказ не торопился. Артема Сергей знал с детства и хоть и недолюбливал парня за нелюдность и за то, что Тёмка в стрельбе всегда лучше него был, но это ж не повод, чтоб, не зная причины, стрелять человеку в спину. Да и потом строжайшая инструкция есть – в своих стрелять только в случае крайней необходимости и особой команды. Вот и думай, есть ли «Стреляйте! Изменник!» аналог той особой команды или же нет?

Но в то же время прикинуться валенком не получится. Вон даже на вытянутой морде Дениса начинает понимание проявляться. А спросят-то не с него, а с начальника смены.

Сергей резко повернулся, одним движением натянул кожаную рукавицу, ухватил тетиву дальнобойного арбалета, крикнул, откидываясь назад... Тетива, сплетенная из жил дикого тура, зацепилась за крючок, торчащий над ложем. Есть. Осталось немного – прикинуть к нехитрому прицелу, прикинуть на глаз расстояние, сделать поправку на ветер...

От наконечника болта до затылка Артема было локтей пятьсот, не больше. Сергей с такого расстояния разбивал из стеношного арбалета небольшую кружку, в которых бабы подают к столу можжевелевый самогон. Повторить такое в Крепости мог только один сталкер, отец Артема. И сам Артем... Одно нажатие на спуск – и Серега станет лучшим стрелком в Крепости...

Беглец шел по прямой, уверенный, что никто из своих не станет в него стрелять. Правильно, не станет. Если не получит прямого приказа от командира Крепости. Не думал, видать, Артем, что погоня будет организована так быстро. Интересно, что ж он такого натворил? Но, с другой стороны, какая разница? Дело сторожа стрелять, а не думать над указаниями начальства.

Палец плавно потянул за спуск... Приклад арбалета резко толкнул в плечо...

Серега усмехнулся про себя. Он попал куда целил. Арбалетный болт точнехонько расколол надвое сухую корягу, мимо которой проходил Артем. Сергей видел, как беглец обернулся и кивнул, будто поблагодарил. После чего перешел на легкий бег, время от времени бросаясь из стороны в сторону – поди теперь попади с такого-то расстояния.

– Ну что, достал его?

Команч стоял возле самых всходов, вперив в Серегу взгляд, горящий от ненависти и охотничьего азарта.

– Не-а, – сокрушенно качнул головой Сергей. – Далеко уже убежать успел, да и маятник качает, никак не выделить. А чего он натворил-то?

Но Команч уже не слушал Сергея.

– Открыть ворота! – прорычал он, вытаскивая из кобуры свой знаменитый ГШ-18.

Тяжеленные створки ворот Крепости заскрипели, отворяясь медленно, словно раковина гигантского живоглота, почуявшего добычу.

«Догонят? Не догонят?» – прикидывал Серега, разглядывая в бойницу крохотную фигурку, приближающуюся к кромке леса. И пришел к выводу, что догонят. Лес, окружающий Крепость, сталкеры знали как свои пять пальцев. Никуда Артему не деться. Разойдутся в стороны, встанут полукольцом и тупо прочешут лес, прижимая жертву к непроницаемой стене Купола.

Серега вздохнул. Лучше уж пусть там на месте и расстреляют. Если такая заваруха поднялась, то Артем где-то серьезно прокололся и не миновать ему красного Поля смерти. А пуля или арбалетный болт всяко лучше, чем целый час корчиться в адском излучении, пока оно не отделит все мясо от костей. Да только, судя по настрою Команча и его команды, если возьмут живым парня, то не миновать ему показательного суда и Поля. Может, и стоило, не раздумывая особо, подарить товарищу по детским играм болт в затылок? По крайней мере не мучился бы...

* * *

Они стояли в огромном подземном зале, потолок которого терялся в непроглядной черноте. По стенам зала пятнистыми серебристо-ржавыми змеями вились многочисленные лестницы и перекрытия, опутывающие огромное помещение словно гигантская паутина. Многие конструкции, изъеденные коррозией, уже осыпались вниз горами металлического хлама, другие же были изрядно погнуты временем или полностью разрушены, словно их перекутила и порвала неведомая сила.

Темно было в этом огромном и величественном подземелье, темно и жутко. Зал заполняли горы мусора – бетонные блоки, стальные балки, разбитое офисное оборудование, огромные приборные панели с разбитыми экранами... И кости. Скелеты людей и мутантов валялись на полу, словно на старом, забытом поле боя, все еще сжимая высохшими пальцами проржавевшее оружие – автоматы, мечи, ритуальные кинжалы дампов, полусъеденные коррозией стальные дубины нео...

А посреди всего этого хаоса возвышалось громадное сияющее надгробие высотой, наверно, этажа в три, не меньше. Порой с его вершины срывался сверкающий кристалл и падал вниз, в огромную кучу таких же небольших кристаллов, сияющих, словно драгоценные камни в пещере сказочного колдуна.

Возле надгробия стояла небольшая группа, которая стороннему наблюдателю могла показаться сборищем людей, решивших полюбоваться необычным явлением природы. Но при ближайшем рассмотрении тот наблюдатель удивился бы несказанно. Потому что людей-то в группе было лишь пятеро. Остальные хоть и походили на них, но вряд ли принадлежали к виду homo sapiens.

Наметанный глаз сталкера, вдосталь пошатавшегося по зараженной Зоне Москвы, сразу бы определил в троих из присутствующих шама, киборга и ворма, а в застывшей на полу грудке металла, смахивающей на гигантского стального паука, признал бы серва – обслуживающий механизм боевых биороботов, пожалуй самых страшных хищников, обитающих на территории мертвого города. Причем серв был то ли несерийный, то ли доработанный – вместо одного из манипуляторов у него угрожающе торчал из панциря автомат Калашникова.

Странно, но сейчас вся группа смотрела не на огромный сверкающий кристалл, по которому порой пробегали световые волны причудливой формы, а в спину человеку со снайперской винтовкой за спиной. Человек шел в глубь подземелья, к ближайшей стальной двери, за которой, возможно, был выход на поверхность.

– Уходит, – нарушил тягостное молчание ворм, лицо которого сплошь заросло густой шерстью, лишь глаза поблескивали из-под кустистых бровей. – По ходу, насовсем уходит. Я б на его месте не горсточку шамирита взял, а все карманы доверху набил и сверху утрамбовал, чтоб больше влезло.

– Тебе дай волю, Шерстяной, ты бы Зеркало Миров из пола выворотил и с собой упёр, – проворчал молодой парень в камуфляже с автоматом Калашникова на плече.

– Не, Ион, нереально. Тяжелый он шибко, – окинув взглядом огромный кристалл, резюмировал мутант по прозвищу Шерстяной. – Тягачом не вытащить, не то что нашим БПМ. А так, конечно, мысль здравая. Шамиритом можно было бы ваще на вес торговать...

– Снайпер уйти, – вздохнул снизу серв.

Действительно, пока народ отвлекся на треп Шерстяного, за спиной человека со снайперской винтовкой тихо закрылась массивная стальная дверь.

– Не грусти, Колян, – проговорил здоровенный богатырь в кольчуге и с мечом у бедра. – Вернется он. А что тебе сказал с нами остаться, так это понятно. То дело, за которым он в Кремль отправился, только его. Личное дело, можно сказать.

– Ну личное не личное, а Снайпер поступил верно, – проговорил лысый жилистый мужик с татуировкой на затылке, изображавшей человеческий череп. – Валить надо отсюда пока целы. Взять по максимуму – и валить. Чего и вам всем советую.

С этими словами мужик шагнул к Зеркалу Миров, несколькими быстрыми движениями набил карманы кристаллами, что в изобилии валялись возле подножия Зеркала Миров, после чего повернулся ко второму богатырю, похожему на первого, словно родной брат.

– Богдан, ты со мной?

– А что, Кощей, у нас какие-то общие дела остались? – поинтересовался богатырь.

– Как знать, – прищурился лысый. – Я, например, уверен, что это не тот бункер, который мы искали. А еще я думаю, что твой меч открывает не только вход к Зеркалу Миров.

– А что еще? – недоуменно спросил Богдан.

– В электроцикле расскажу, – бросил Кощей, направляясь к двери, за которой скрылся Снайпер. – Если, конечно, со мной поедешь.

Богдан бросил беспомощный взгляд на своего двойника.

– Что скажешь, Данила... то есть боярин? Каково твое слово?

Данила пожал плечами.

– Иди, если надо. Я тебе не хозяин. Это твоя судьба и твой путь.

Богдан кивнул, черпнул горстью шамирита, сыпанул его не глядя в кожаный кошель, болтающийся на поясе, и направился вслед за Кощеем.

– Ни хрена себе у него лопата, – покачал волосатой головой Шерстяной. – Он, по ходу, одной ладонью зацепил больше, чем у лысого в оба кармана влезло.

– Я фигеть, – печально вздохнул робот, не забывающий между делом загружать себе в топливный отсек кристаллы, переливающиеся под светом Зеркала Миров. Из брюха серва выдвинулся небольшой лифт, куда стальной паук на ножках сгребал манипулятором добычу. – Я фигеть. Такой жадный сквалыга я не видеть никогда.

– Я не жадный, я домовитый, – проворчал ворм, присоединяясь к роботу. Он снял с плеч рюкзак и принялся вытряхивать из него все содержимое, явно намереваясь унести шамирита столько, сколько выдержат плечи и широкие лямки рюкзака.

– А мы пойдем, пожалуй, – тихо сказал маленький шам, держащий за руку красавицу-киборга.

– Далеко ли? – осведомился старик, на плече которого чистился небольшой рукокрыл, посверкивая маленькими злыми глазками.

– Да знаешь, Отшельник, как-то все равно, – улыбнулся шам, – Далеко или не очень – как получится.

Я, например, только сейчас понял, что уже нашел в этой жизни все, что нужно.

И посмотрел на кио, которая, к слову, была выше него на голову.

Странно, но боевая машина, которую ее создатели снабдили выдающимися женскими формами и впечатляющей красотой, ничего не ответила. Лишь потупилась слегка и улыбнулась, словно обычная влюбленная девчонка, которой ее парень подарил слегка избитый комплимент.

– Тогда идите, – улыбнулся Отшельник. – Вам и вправду сейчас более никто не нужен. Только шамирита все-таки возьмите с собой. С милым рай и в шалаше, но все-таки лучше, если этот шалаш будет благоустроенным.

Шам и кио спорить не стали. Сыпанули в карманы по несколько горстей кристаллов и направились было к двери, за которой скрылся Снайпер.

– Погодите, – тормознул их старик. – Лучше в другую идите.

И добавил слегка туманно:

– Из Пещеры Зеркала у каждого свой выход. И входят сюда все по-разному...

Данила проводил взглядом удаляющуюся странную пару, после чего повернулся к старику.

– Ты ведь все знал заранее, – хмуро проговорил он. – Признайся, Отшельник, ты ж специально Шерстяному карту подсунул, чтобы он нас сюда привел¹. И ради чего погибли мои дружинники? Чтоб мы все могли карманы шамиритом набить?

– Ребят твоих жаль, – кивнул старик. – Но мне было бы куда жальче, если б через месячишко-другой Черный Свет уничтожил всех, кто выжил в Кремле.

– Черный Свет... – задумчиво проговорил Данила. – Слышал я о нем. Говорили люди, что от него один из наших парней погиб в подвалах Кремля.

– Не хотел я при Снайпере говорить, – невесело усмехнулся Отшельник. – Он в Кремль пошел, а такие как он с проблемами привыкли разбираться быстро и радикально. Начнет искать источник того Черного Света, вряд ли найдет, а народ переполошит. Пока что тот Свет не особо себя проявляет. Завод, считай, только заработал и еще не набрал полную мощность. А как наберет – боюсь, что в Кремле вообще никого живых не останется. Похоже, в пульте управления защитными системами, что в Кремле спрятан, неполадка какая-то приключилась в связи с активизацией завода и включением Купола. Из-за той неполадки и Черный Свет появился.

– Так-так... – Данила задумчиво потер подбородок. – А поподробнее можно? О каком заводе ты говоришь?

– Под Зеркалом Миров еще в советские времена завод был построен по переработке шамирита в ядерное топливо, – проговорил старик. – Причем полностью автоматизированный. Тогда о секретности сильно беспокоились, потому и вложились в завод по полной, чтобы поменьше лишних людей о нем знало. Схема того завода простейшая. Вокруг Зеркала по периметру смонтированы воронки. Они сейчас почти все забиты шамиритом, исходя из чего понятно, что завод еще не вышел на полную мощность – как заработает, воронки начнут опустошаться. Под воронками – конвейер, подающий шамирит к центрифуге, где кристаллы дробятся и разделяются на две части. Более тяжелый чистый шамирит остается, а икс-вещество – вторая составляющая кристаллов – отфильтровывается. Из шамиритовой пыли прессуются стержни, так называемые свечи, которые аналогом пневмопочты доставляются к Излучателям. В Излучателях шамиритовые свечи сгорают под воздействием нейтринового генератора. В результате этого процесса и появляется излучение, которое порождает защитный Купол. Когда свечи заканчиваются, автоматически происходит новый посыл топлива по пневмопочте.

¹ О том, как герои попали в Пещеру Зеркала, можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «МКАД» предыдущей книги серии «Кремль 2222».

– Неслабо, – пробормотал Данила. – Понятно не все, но суть ясна. А почему завод-то этот включился после стольких лет?

– Думаю, потому же, что и Садовое Кольцо, – пожал плечами старик. – След Буки, человека-аномалии, запустил рабочие процессы в обоих защитных контурах, словно зажигание в древних бензиновых автомобилях. Просто Купол дольше разогревался, чем Садовое.

– А ты-то откуда это все знаешь? – удивился дружинник.

Старик усмехнулся в бороду.

– Когда-то давно мои предки были учеными, разрабатывавшими и завод под Зеркалом Миров, и Излучатели, и охранный периметр Садового гольца, и концепцию защитного Купола над Москвой. Когда же отгремела Последняя Война, выжившие ученые создали Союз Посвященных. Члены Союза передавали тайные знания из поколения в поколение. Все то, что знаю я, рассказал мне мой отец. Мне же передать знания некому... След Буки наградил меня то ли даром, то ли проклятием. Мутанты считают меня за своего, отчего люди обходят стороной мое жилище. Они считают, что, если ты друг мутам, значит, ты сам мут и есть. Возможно, они правы...

– Понятно, – кивнул Данила. – Не горюй, может, еще найдется тот, кому ты передашь свои знания. Но теперь остался только один вопрос. Как избавить Кремль от Черного Света?

– Можно попробовать взорвать завод под Зеркалом Миров, – пожал плечами Отшельник. – Само Зеркало уничтожить не получится. В старинных отчетах написано, мол, пробовали хоть кусочек от него принудительно отколоть – бесполезно. Вход в завод то ли завален, то ли замурован – не знаю, пока его никому найти не удалось. Так что для того, чтоб взорвать завод, надо в воронки взрывчатки спустить немеряно – раньше строили на совесть. К тому же не исключено, что в результате подземного взрыва обрушится свод пещеры, и тогда возрождающееся человечество потеряет мощнейший источник энергии – шамирит, после чего, скорее всего, люди вымрут под давлением мутантов и агрессивной природной среды. Можно, конечно, попробовать поискать пульт в самом Кремле...

– Уже искали, – мрачно перебил старика Данила. – Без толку. Не нашли ничего.

– Оно и понятно, – кивнул Отшельник. – Пульт управления защитными системами целого города наверняка запрятан надежно. Конечно, можно просто уйти из Кремля, но куда? За МКАД не пройти, пока над городом висит Купол...

– За взрывчаткой надо идти в Кремль, – сказал Данила. – Порох у нас на вес золота, но мы вывезли пару бочонков из Бутырского замка. Ради такого дела можно ими пожертвовать. Хрен с ним, с шамиритом. Жили без него – и дальше проживем, а от мутантов уж как-нибудь отобьемся...

– Вы так и будете за жизнь тереть? – осведомился Шерстяной, наконец набивший свой рюкзак черными кристаллами. – Думается мне, валить отсюда надо уже.

– Абсолютно согласный, – в кои-то веки согласился с мутантом робот, похоже также загрузивший свой биореактор шамиритом до предела.

– Да уж... – неопределенно отозвался Ион, все это время внимательно следивший за многочисленными дверьми, на разной высоте разбросанными по стенам гигантской пещеры.

К каждой из дверей вела металлическая лестница. Многие из них были разрушены, но некоторые сохранились очень неплохо. И сейчас стаббер внимательно следил за одной из дверей, расположенной на уровне третьего этажа жилого дома.

– Похоже, у нас скоро будут гости, – проговорил Ион. – Потому валить рекомендую немедленно.

Сейчас уже всем были слышны глухие удары, доносящиеся с обратной стороны мощной стальной створки, перегораживающей вход в пещеру.

– Маркитанты, – уверенно проговорил Отшельник. – Нашли один из входов. Действительно, пойдёмте отсель. Воины-торговцы ребята серьезные, шутить не любят...

Договорить он не успел. Внезапно раздался глухой, мощный звук, похожий на удар кувалдой по деревянной доске. Выдранный из косяка стальная дверь смялась, будто бумажная, и вылетела наружу. Сила направленного взрыва была такова, что тяжеленная створка пролетела несколько метров и ударила в верхушку Зеркала Миров.

Гигантский кристалл сверху вниз мгновенно прошли багровые молнии. Раздался треск, в воздухе запахло озоном. Зеркало Миров окутало облако разрядов, по форме похожих на электрические, а по цвету – на свежую кровь.

– Бежим! – крикнул Отшельник и первым ринулся к проржавевшей насквозь огромной гряде металла, которая, возможно, когда-то была пультом управления.

– На хрена? – тормознул было Шерстяной.

– За железкой выход, – коротко бросил Отшельник перед тем, как протиснуться в незаметную с первого взгляда щель между пультом и стеной. Только что был старикан здесь – и уже нет его, только рукокрыл недовольно и уже еле слышно пискнул из-за горы железа, изъеденного коррозией.

«Из Пещеры Зеркала у каждого свой выход. И входят сюда все по-разному...» – пронеслись в голове Данилы слова старика.

Что ж, Отшельник был прав. Лучший бой – это тот, который не начался. Маркитанты в серьезные рейды по одному не ходят, стало быть, их наверняка в несколько раз больше. А значит, надо уходить. И выжить для того, чтобы вернуться и уничтожить опасность, нависшую над Кремлем...

Данила даже двинулся было вслед за Отшельником, отметив, что то же самое сделали и его товарищи. Шерстяной с Коляном впереди, Ион сзади прикрывает отход. Нормально. Команда протиснется в щель, следом можно и самому попробовать сделать то же самое. Интересно, удастся пролезть в доспехе или придется поднатужиться и развалить эту ржавую хрень, что прикрывает выход из пещеры?

Но планам дружинника не суждено было сбыться.

Из тоннеля, который до взрыва прикрывала стальная дверь, вывалился плечистый молодец с автоматом в руках. Смачно харкнул, сплевывая набившуюся в рот мельчайшую каменную крошку, окинул взглядом открывшуюся панораму, уловил движение внизу и, недолго думая, дал длинную очередь по фигурам, которые и не разглядел-то толком из-за облака тротилового дыма, все еще висящего в воздухе.

Шерстяной, не добежавший до выхода каких-то десяти шагов, споткнулся и упал мордой вниз. Попытался подняться, но, придавленный тяжеленным рюкзаком, рухнул обратно. Данила сперва подумал с надеждой – может, реально оступился волосатый мутант? Но когда увидел, как из рваных дыр в рюкзаке Шерстяного сыплются кристаллы шамирита, понял – все плохо.

– Уносите раненого, я их задержу! – заорал дружинник, сдергивая с плеча автомат Калашникова.

«Их» и вправду оказалось немало. Следом за стрелком на площадку перед выходом из тоннеля вывалились еще двое – пулеметчик с «Печенегом» в руках и тощий тип в «песчанке» с РПГ на изготовку. Эдакое олицетворение полного и всепоглощающего песка, как когда-то выразился Снайпер. Что такое «песец», Данила не знал, но про пулемет с гранатометом в последнее время узнал много. Потому и постарался прицелиться как можно тщательнее. Фиг с ним, что лишние полсекунды потерял, – вновь прибывшей вражьей силе тоже время надо, чтобы осмотреться. А вот нам ошибаться никак нельзя, ибо, во-первых, патронов после боя с сиамами осталось меньше магазина, а во-вторых, в следующую секунду после ошибки ты и твои товарищи превратятся либо в дуршлаг, либо в фарш, разбросанный по пещере копьевидным осколочным выстрелом ОГ-7В, что торчит сейчас из ствола гранатомета.

Данила дал длинную очередь – и тут же ругнулся про себя нехорошим словом. «Калаш» повело вправо-вверх, и веер пуль срезал лишь пулеметчика, который дернулся всем телом, выронил «Печенег» и покатился по лестнице вниз.

«Эх, говорил же Снайпер, что всегда надо учитывать силу, возникающую при экстракции гильзы, – пронеслось в голове Данилы. – И ведь помнил же, когда мутов косили, несясь на броневике к Измайловской аномалии! А тут увлекся прицеливанием, и начисто из головы вылетело... Отсутствие опыта сказалось. Мало пришлось из скорострельной фузеи стрелять, с „Кордом“ всяко проще – он и тяжелее, и удобнее...»

Удивительно, сколько всяких мыслей может передумать человек, возвращая мушку автомата в точку прицеливания. Вроде бы одно движение, полсекунды от силы. Ан нет, думается все равно. То ли мозги быстрее работать начинают, то ли время растягивается, когда осознаешь, что прямо в тебя сейчас смотрит смертоносное жало гранатомета, а его хозяин плавно выжимает спуск...

Словно в замедленном фильме видел Данила, как расцветает позади гранатометчика отблеск пламени, как окутывается он сизым дымом... В следующее мгновение дружинник осознал, что все еще жив, а ракета, уже покинувшая ствол гранатомета, висит в воздухе, опутанная коконом из кровавых молний. От Зеркала Миров до площадки, на которой толпились маркитанты, протянулось множество темно-багровых, угрожающе потрескивающих нитей, удерживающих на весу смертоносную стрелу...

Справа коротко твякнул «Калашников» Иона, и один из маркитантов, выскочивший на площадку, медленно осел на стальной пол. Остальные замешкались, стараясь не наступить на тело товарища. Не из-за моральных соображений, а чисто практически – поедет ботинок на мягком, и сверзишься с неслабой высоты прямо на бетонный пол подземелья. Да и выстрел гранатомета, зависший в воздухе, отвлекал внимание.

– Ходу!

Голос стаббера заставил дружинника оторвать взгляд от inferнального пучка молний и вернул его к реальности. Данила бросился к пульта, возле которого, задрвав автомат кверху, стоял Ион.

– Быстрее!

«Калаш» стаббера дернулся еще дважды, выплевывая короткие очереди, после чего Ион довольно шустро нырнул в щель между стеной и пультом. И это правильно. Спасибо ему, что прикрыл, без него бы автоматчики вполне могли очнуться от шока и, несмотря на висящую в воздухе жуткую хрень, попытаться отомстить за смерть товарища. Маркитанты они такие, они могут...

Уже наполовину протиснувшись в спасительную щель, Данила все-таки оглянулся...

Удивительно, но воинам-торговцам, похоже, вообще все было по барабану. Не обращая внимания на висящую в воздухе шаровую молнию, маркитанты вовсю перли из тоннеля, подгоняя тех, что спереди, – в том числе и незадачливого гранатометчика. Небось насмотрелись на всякие там Ледяные гейзеры и Поля Смерти, теперь им сам черт не брат. Правда, стрелять в спину беглецу опасаются, мало ли, вдруг Зеркало Миров всерьез осерчает. А вот, что беглецы выгребли фактически весь шамирит из-под гигантского кристалла, это для них из рук вон плохо. Стало быть, надо тех беглецов догнать и восстановить справедливость. Пострелять же и во время погони можно, когда в опасной близости рассерженно не трещат кровавые молнии...

Дружинника такой расклад не устраивал в принципе. Потому он одной рукой поднял автомат и выпустил оставшиеся полмагазина в пучок тех самых молний, пленивший осколочный выстрел гранатомета. Выстрелил – и рванулся назад всем телом, отчаянно скрежеща кольчугой об ржавый угол старого пульта управления.

Бывает такое – делаешь что-то словно по наитию и точно знаешь, что получится. Никто не мог предугадать, взорвется зависший в воздухе гранатометный выстрел или нет. Но Данила

посчитал, что рискнуть стоит, полтора десятка патронов все равно не есть решение всех проблем. Да и попасть в ракету, тонкую, словно копьё, с такого расстояния было слабореально, даже если нормально целиться...

Но все получилось. Причем дружинник был уверен – он не попал туда, куда очень хотел попасть. Согласно законам, о которых говорил Снайпер, задрало ствол автомата после второго выстрела, причем сильно. Пули пошли косым веером, который хоть и пересек сгусток молний, но вряд ли задел осколочное копьё. Тем не менее оно рвануло. Да так, что Данила еле успел протиснуться в щель – и то каменным крошечком по кольчуге долбануло нехило, аж плечо зануло.

«Вот как оно бывает, когда совпадают желания человека и Зеркала Миров», – подумал дружинник, глядя на древний пульт. А потом, недолго думая, просунул бесполезный теперь автомат меж двух стальных проушин на задней части того пульта, уперся каблучками в пол, поднапрягся и потянул ржавую махину на себя изо всех сил, какие только остались.

Пульт заскрипел, застонал, что-то лопнуло в его основании – и махина подалась назад, намертво запечатывая проход. Теперь его только взрывать – если, конечно, с той стороны остался кто-то живой. Судя по силе взрыва, прогремевшего после очереди Данилы, шарахнул не только осколочный заряд, но и что-то помощнее. Что именно – загадка, которую теперь уже не разгадать.

Дружинник обернулся, недоумевая, откуда столько света в темном тоннеле.

Ион и Колян занимались раненым. Над крабьими глазками-видеокамерами серва горел мощный прожектор – слишком мощный для маленького биоробота.

«Шамирит, – ворохнулась усталая мысль в голове Данилы. – Теперь он на шамирите работает, а не на мертвечине, оттого и сияет словно маленькое солнце».

Дружинник поправил меч, бросил взгляд на изуродованный автомат, застрявший в ржавом железе, и направился к своим товарищам.

– Жить будет?

– Не знаю, – бросил Ион, руки которого были в кровище чуть не по локоть. – Человек бы не выжил, а этот – кто ж его знает.

Стаббер орудовал мощным боевым ножом, выковыривая пули из тела Шерстяного. Хищный, слегка изогнутый клинок напоминал крыло то ли ангела, то ли демона, обильно смоченное темной кровью.

– Вроде последняя, – сказал Ион. Смятый на конце свинцовый цилиндр звякнул об каменный пол.

– Шить есть я, – проговорил робот и принялся сноровисто штопать одну из четырех ран на спине Шерстяного, который так и не пришел в себя во время жутковатой с виду операции. Может, и хорошо, что не пришел. Мат бы стоял на весь тоннель, глядишь, кто-нибудь нехороший приперся бы на эти вопли...

Колян ловко орудовал манипулятором, из которого, словно паутина из задницы паука-мясоеда, тянулась тонкая нить. Второй манипулятор серву заменял АК, лишенный приклада и приваренный к стальному огрызку. Колян упорно не признавался, где потерял клешню, зато очень гордился протезом. Сейчас серв на всякий случай прижимал Шерстяного автоматом к полу – вдруг мутант очнется и начнет вырываться.

Не очнулся... Колян залатал последнюю дырку в теле товарища... и тяжело вздохнул.

– Так он лучше... Пусть лежит целый.

Ион хмуро смотрел в пол, излишне тщательно вытирая свой нож тряпкой.

Данила прикусил губу. Всегда тяжело терять боевых товарищей. Прижимистый матерщинник Шерстяной частенько раздражал дружинника своим зловредным характером. А сейчас вот подумать хорошенько – и все ведь отдашь за то, чтобы поднялся сейчас лихой водила

Шерстяной с пола, огляделся и проворчал: «Ну и какого хрена вы затащили меня в эту прямую кишку?»

Но нет, бесполезно ждать чуда. И похоронить умершего от ран товарища не получится – кругом сплошной камень, наверно в свое время пробитый туннелепроходческой машиной, рисунок которой Данила видел как-то в кремлевской библиотеке. Остается лишь одно – оставить Шерстяного здесь. И если найдется выход из тоннеля, желательно его обрушить, чтоб никакая тварь не потревожила вечный покой волосатого ворма. Хотя нет. Вернуться-то любому придется, с подмогой и взрывчаткой. Вот тогда и выдолбим кирками нишу в камне, и похороним останки друга-мутанта по-человечески...

– Рюкзак его здесь оставлять?

Вопрос, заданный Коляном, был по существу. Из рюкзака Шерстяного, набитого шамиритом, через входные отверстия пуль высыпалось немного. По идее, надо бы оставить мертвецу его имущество. Но, с другой стороны, полный рюкзак драгоценных кристаллов для Кремля оказался бы настоящим подарком. Это сколько ж оружия и боеприпасов можно выменять на эдакое богатство!

– С собой возьмем, – сказал Данила, доставая из кармана универсальную аптечку, в которой имелся рулон фиксирующего пластыря на основе смолы березы-мутанта. Если прилепишь, снять пластырь можно будет только раствором березового сока, крохотный флакон которого тоже имелся в аптечке.

Наскоро залепив дыры пластырем, Данила отпустил лямки до предела и забросил рюкзак себе на спину.

– Прости, друг, – шепнул он, поднимая с пола автомат мутанта. – И рюкзак, и оружие не для себя беру, для дела. А тебе все это уже без надобности.

Труп Шерстяного накрыли его же простреленным камуфляжем, после чего поредевшая группа в быстром темпе направилась вдоль по коридору. По идее, на поверхности сейчас была уже ночь, и всем очень хотелось до утра выбраться отсюда. Если, конечно, этот тоннель вел на поверхность...

* * *

Хорошо, что они не взяли с собой крысопсов, одомашненных крысособак, обладающих феноменальным чутьем. Наверно, понадеялись на численность группы захвата и знание окржающей территории. Но сын сталкера местность вокруг Крепости по-любому знал лучше, чем преследователи. Отец рассказал и показал многое. Да и сам Артем, охотясь на хоммутов, что водились здесь в изобилии, узнал много потаенных мест, которые тщательно скрывал от людей Корявый лес.

Бежать было бесполезно. Погоня моментально рассыпалась полукругом, прижимая беглеца к непроницаемой стене Купола, что вздымалась сразу за лесом. С одной стороны, можно было рискнуть. Рвануть со всех ног вперед, прорваться через стену хищных деревьев, плеснуть кровавой жидкостью из колбы на мерцающую стену. Глядишь, проход откроется, и получится в него просочиться до того, как погоня начнет стрелять в спину...

Да только даже если он и откроется, то шансы от силы один к ста. Чтобы уйти от преследователей, придется ломиться через лес, словно дикому туру, оставляя на кустах и ветвях ключья одежды. А если совсем не повезет, то и голову можно оставить. Хищные деревья хоть и медлительны, но хитры и любят расставлять ловушки из гибких, сложно переплетенных ветвей, а также не прочь подсунуть корявый корень под ноги особо резвому беглецу. Поэтому по лесу умные люди ходят медленно и осторожно. А глупые и торопливые здесь вообще не ходят. Их тут быстренько ловят дендромутанты, оплетают ветвями, снабженными присосками,

и медленно выпивают кровь. Порой дня два-три жертва корчится, пытаясь вырваться из жуткого плена, пока, наконец, не перестанет шевелиться, превратившись в высохшую мумию.

Артем рисковать не стал. Шагнул под сень деревьев, угрожающе шевелящих ветвями, – и тут же взял вправо. Там, под корнями гигантского высохшего дуба, был оборудован схрон, который парню еще отец показал. Причем на вопрос, зачем тот схрон нужен, тогда так и не ответил. Показал – и всё. Лишь велел молчать, никому про тайник не говорить. Может, предвидел чего...

Кстати, укрытие было не бог весть чего. Слой дерна размером два на два прикрывал яму глубиной в рост человека, мастерски выкопанную меж огромными корнями мертвого дерева. В яме, обложенной изнутри сухой дубовой корой, можно было запросто пересидеть сутки, а то и более. Вентиляция, хоть и скудная, но имелась – пара металлопластиковых трубок, которые снаружи нипочем не заметить. Также наличествовал в схроне матрац из непромокаемой ткани, набитый сухой травой, вещмешок со всякими необходимыми предметами типа спальника, маскировочной сетки и наручников для пальцев, пластиковая коробочка с консервами, старая армейская фляга с водой и ведро с завинчивающейся крышкой для справления нужды.

А еще имелось в той яме примитивное самодельное устройство, отдаленно смахивающее на старинный перископ. Отец говорил, что собрал его из старого окуляра от стереотрубы и нескольких зеркал. Смотришь в него – и видно, что делается снаружи. Хреново видно, конечно, но все же лучше, чем ничего.

Например, сейчас Артем видел несколько высоких берцов и хромовые армейские сапоги, на которые налипли комья грязи, сухие травинки и вороньи перья. Перьев было много – деревья в Корявом лесу были на редкость хитрыми и прожорливыми.

Берцы потоптались – и пошли вперед, огибая дерево. А сапоги остались. В дорогушем восстановленном хrome щеголял по Крепости лишь один человек – Команч. И сейчас он стоял возле схрона, о чем-то явно задумавшись.

«Ну кранты», – подумал Артем, представляя, как начальник Крепости, окинув опытным взглядом пространство между корней, достает свой ГШ-18, передергивает затворную раму, поднимает пистолет и начинает планомерно прочесывать пулями подозрительное пространство.

Но Артем ошибся. Командир крепости действительно достал – правда, не пистолет, а нечто другое. На фоне загаженных сапог обозначилась вертикальная желтая линия. Изображение в кустарной стереотрубе смазалось и поплыло.

«Тьфу ты! – ругнулся про себя Артем, суя „Макаров“ обратно в кобуру. – Я-то думал, Команч до фига грамотный следопыт, а оказалось, он просто отстал от группы, чтобы отлить».

Над головой прощуршали удаляющиеся шаги. Артем проверил, не протекла ли крыша схрона, и вновь приник к помытому снаружи оптическому устройству.

Пусто. Погоня ушла вперед, причем не особо спеша. Небось уверены, что беглец куда-то денется.

А он и не делся. Здесь он. Как раз, забросив вещмешок за плечо, из потайной ямы осторожно вылезает. Конечно, можно было бы отсидеться в ней до темноты, но ведь преследователи тоже не круглые идиоты. Дойдут до Купола, сообразят, что догнали только лысого ежа, развернутся на сто восемьдесят и начнут обшаривать каждый куст, норовящий всадить пучок колючек в первую подвернувшуюся ногу.

Артем аккуратно задвинул на место крышу схрона – вдруг еще когда пригодится – и, стараясь не наступить на какой-нибудь предательский сучок, направился в глубь леса, сильно забирая правее, чтобы невзначай не напороться на охотников, возвращающихся обратно.

Примерно с час он шел по лесу, уворачиваясь от медлительных ветвей хищных деревьев и шипов кустарника-кровопийцы. В отличие от деревьев, более шустрый дендромутант. Воткнет колючку в мясо – и не успеешь оглянуться, как куст уже распух на глазах от твоей крови,

расправился, едва не шерится довольно, скотина такая, потому что нечем. За несколько секунд может больше стакана крови высосать. Оно бы и ничего страшного, пережить можно, если б те кусты не зарослями произрастали и не имели привычки через корни делиться информацией с товарищами. Глазом не успеешь моргнуть, а тебя уже окружили шустрые растения. И тогда стаканом не отделаешься. Для таких случаев матерые сталкеры носят с собой мачете либо широкие ножи-боуи, оставшиеся в наследство от солдат противника еще с Последней Войны.

Нож у Артема был куда скромнее этих небольших сталкерских мечей, хотя при наличии сноровки можно и засапожником отмахнуться от хищной ветки. Отрубить не отрубишь, но порежешь точно. А что кусты, что деревья боли не любят. Ударишь ножом особо назойливое растение, и отдернется ветка, брызжа во все стороны кровавым соком. Зачастую даже злобное шипение слышится, а вот чем именно шипит дендромутант, до сих пор так никто и не знает.

Наконец, в непроглядной темноте леса Артем разглядел сияние, пробивающееся меж хищных ветвей. Вскоре деревья расступились, и парень увидел стену Купола, переливающуюся всеми цветами радуги. Лучи солнца преломлялись в толще гигантской перевернутой чаши, и со стороны это смотрелось довольно красиво.

И тут Артем ощутил некоторую нерешительность. А вдруг все зря? Что, если в колбе просто подкрашенная вода, а ученый элементарно повредился рассудком, пока шел через Корявый лес? Может, его просто выперли из какого-нибудь подземного укрытия на востоке, и он даже не заходил на зараженную территорию? Кстати, вполне может быть. Как, спрашивается, яйцеголовый книжный червь мог выжить в разрушенном городе? Да и вообще, что с этой колбой делать? Просто плеснуть на Стену? И типа, она растворится? Что-то не верится. Жидкости в колбе от силы с полкружки, и кто ж поверит, что ею можно пробить проход в эдакой толще?

– Так, стоять, – сказал Артем вслух, сжимая кулаки. – Соберись, тряпка. Достал уже паниковать. Получится – хорошо. Не получится – значит, ты сделал все, что мог. И точка. А в Поле Смерти ты не пойдешь. Пуля в висок – это гораздо быстрее.

И сразу как-то легко стало. Принял решение – и куда мандраж делся? Когда сам для себя все решил, откуда ж ему взяться? Правильно, неоткуда.

Парень с трудом вытащил из колбы плотно притертую пробку и шагнул к Стене, намереваясь плеснуть на нее кровавой жидкостью...

– Подожди... – вдруг раздался за спиной хриплый голос.

Артем резко развернулся, едва не выронив колбу. В его свободной руке словно сам собой оказался пистолет.

– Не надо... стрелять...

Артем с удивлением наблюдал, как из хищных кустов вываливается худосочный парень примерно его возраста в разодранной куртке, на которой виднелись следы крови. Да уж, поход через Корявый лес – это не хухры-мухры, и парню он дался непросто. Спутанные волосы, щека разодрана, одна штанина вообще в лохмотья превратилась, сквозь которые виднеется изрядно поцарапанная нога.

– Не так надо, – выдохнул парень, показывая глазами на колбу.

– Да ну? – усомнился Артем. Пистолет он так и не опустил.

– Точно... говорю.

Парень хватал ртом воздух, словно охотничий крысопес, полдня гонявший по лесу упрямого тура.

– Надо... по-другому.

Артем уже догадался, кто перед ним. Тот самый ученый, которого с утра пораньше допрашивал Команч. Только имеются к нему два вопроса. Как он сумел выбраться из Крепости и какого нею тут делает?

Эти вопросы Артем и озвучил. На что парень, отдышавшись, ответил следующее:

– Все из крепости ломанулись, даже двери не закрыли. Ну а мне не понравилось, как меня у вас приняли. Не успел в себя прийти, так сразу на допрос, да такой, будто я украл чего или в чем-то другом провинился. Я и ушел. А поскольку идти мне некуда, я направился за тем, у кого был ключ от Купола.

– И как же ты меня выследил? – криво усмехнулся Артем.

– Элементарная логика, – пожал плечами парень. – Я слышал крики о том, что какой-то парень украл ключ от Купола и скрылся. Потом преследователи разделились цепью и вошли в лес. А я подумал, что вряд ли человек, который смог украсть ключ из Арсенала Крепости, поперет напрямую. Я бы, например, взял правее, так как слева – непроходимый лес и болота, плюс, чтоб до Купола пройти, придется изрядный крюк сделать. Вот я и пошел направо. Потом увидел на ветке свежесобранный клочок материи и понял, что не ошибся.

Артем мельком глянул на рукав камуфляжа. Ну да, было дело, рванул маленько униформу. А вот лоскуток крохотный снять с ветки не позаботился. На будущее наука.

Глаза у парня были ясными и чистыми. Глянешь – с виду дурак дураком, и не подумаешь, что голова у него варит будь здоров. Кто бы мог предположить, что у этого дохляка могут быть задатки следопыта? Хотя, если мозг в черепушке имеется, научиться можно чему угодно. Было б желание учиться.

– Ну прям реально Архимед, – сказал Артем, опуская пистолет, – Ну и как твоя банка работает?

– Дай ее сюда, – попросил ученый, шагнул вперед и протянул руку.

Интересная просьба – отдать то, ради чего отдал всё. Репутацию, будущее в своем клане, возможно, жизнь... Но Артем без раздумий вложил колбу в ладонь ученого. «В конце концов, решит сбежать – пристрелю. Обманет – тоже пристрелю. Или просто шею сверну на фиг, чтобы патроны не тратить».

К слову сказать, ученый не выглядел таким уж конченным доходягой. Слабак не прошел бы дважды через Корявый лес. Парень был худым, но жилистым. Хотя если дело дойдет до рукопашной, шансов у него все равно нет. В Крепости из мальчиков воспитывали бойцов с малолетства. К четырнадцати годам каждый подросток умел метать болты из арбалета, бегать наперегонки со щенками охотничьих крысопсов, разжигать костры из сырых, еще шевелящихся ветвей мутировавших деревьев, бить ножом в уязвимые места, помеченные красной краской на грубых чучелах нео... Отец говорил, что людям в те же места можно и пальцем удар нанести, да так, что человек умрет на месте. И учил сына искусству, которым в Крепости пренебрегали. Люди считали, мол, зачем воину умение драться руками и ногами, когда у него всегда при себе оружие? Отец же думал иначе. Воину, может, оно и не нужно. А вот сталкеру – обязательно...

– Теперь давай-ка отойдем, – сказал ученый, плотно всунув пробку обратно в колбу.

Отошли шагов на двадцать, к самой кромке леса. Ближайшее дерево потянулось к ним ветвями – тепло почуяло. На влажной древесине, еще не просохшей от росы, жадно шевелились присоски. Артем достал нож и показал дереву. То отреагировало мгновенно. Ветка тут же провисла книзу, словно говоря – а я чего? Я ничего. Я так, просто из любопытства. Интересно все-таки, как дендромутанты чувствуют возможные приключения на свои корни? В чаще показывай им нож, не показывай – все равно, если зазеваешься, заматают в сеть из тонких веток и коллективом разопьют по-братски кровяной сосуд на ножках. А в редколесье все понимают сразу, как люди прям. Нюх у них на сталь, что ли?

– Как брошу – прячься за дерево, – сказал ученый.

И бросил.

Небольшая колбочка, сверкнув кровавой каплей на фоне необъятной стены, ударилась об нее, еле слышно звякнуло разбившееся стекло...

Сперва Артему показалось, что ничего не случилось. Как стоял себе Купол, так и стоит, хрен ли ему сделается? Но потом произошло странное.

В том месте, куда угодила колба, вдруг заволновалась полупрозрачная гладь Стены. По ней пошли круги, словно по воде от брошенного камня...

Внезапно Купол лопнул, словно с другой стороны в него угодил арбалетный болт величиной с крепостную башню. Ухнуло так, что задрожала земля, и тонко, жалобно взвыл жутким первобытным многоголосьем Корявый лес. Артем видел, как в ужасе затряслись хищные ветви, когда по ним, срывая присоски, хлестнула волна яростной, невидимой, но вполне ощутимой энергии.

– Бежим!

Крик молодого ученого вырвал Артема из секундного оцепенения. Он вывернулся из-за ствола и побежал, отмечая по сторонам краем глаза вырванные с корнем кусты, примятую к земле и так и не распрямившуюся траву, разорванного напополам небольшого рукокрыла, который, наверно, решил вздремнуть на каком-нибудь сухом дереве и проспал собственную смерть...

А впереди зияла дыра в стене Купола, заполненная легким, полупрозрачным туманом. Чуток побольше в диаметре, чем крепостные ворота, но не особо. Тем более что та дыра уже сейчас медленно, но неуклонно уменьшалась. Еще минута максимум – и Купол снова станет монолитным, без намека на малейшую возможность проникнуть в разрушенный город.

Тощий ученый бежал довольно резво, выбрасывая далеко вперед длинные ноги. Стыдно сказать, но Артем за ним едва поспевал. Во-первых, он был тяжелее пуда на полтора плюс броня, которая хоть и кожаная, да вес имеет. Во-вторых, давала себя знать кровопотеря. Рана, похоже, вновь открылась, по боку потекло теплое. Вот ведь, Никодим, черт рябой! Притворился валенком, дождался, пока его перевяжут, – и ножом. Верная, кстати, тактика. Прежде чем резать врага, получи с него все, что хочешь, и только потом убивай. Надо взять на заметку.

– Осторожнее, не задень Купол, – крикнул ученый.

Согнувшись в три погибели, он ринулся в дыру, по краям которой метались холодные искры. Артем пригнулся и бросился следом, прямо в туман, который рассеивался прямо на глазах...

Сразу же волосы на голове встали дыбом, послышался треск микроскопических разрядов. Даже думать не хотелось, что будет, если макушка коснется колоссальной массы чистой энергии, нависшей над головой. Жуткое ощущение... Кажется, еще немного – и Купол обрушится сверху, придавит массой, сомнет, раздавит, словно букашку... Поэтому Артем смотрел лишь под ноги, изо всех сил стараясь не споткнуться.

Хотя препятствий, о которые можно было споткнуться, особенно и не было. Под ногами лежал абсолютно ровный асфальт, расчерченный на удивление ровными прерывистыми линиями. Возможно, в другое время Артем и призадумался бы, кому и зачем понадобилось рисовать белые черточки на дороге. Но сейчас думалось не об этом.

От тумана осталась лишь легкая дымка, потому шагов на десять вперед все было видно отлично. Впереди возвышался бетонный барьер, длинный, от края разрыва до края, без малейших следов повреждений. Невысокий, от силы по грудь. Но между этим барьером и верхней частью разрыва расстояние было от силы в локоть. Пролезть – нереально. Тем более что расстояние это неумолимо уменьшалось, словно Купол со страшной силой сдавливал остатки тумана, все еще каким-то чудом удерживающие края разрыва...

Страшно умирать так, не по-человечески... Хотя, наверно, не страшнее, чем в Поле Смерти. И, возможно, даже быстрее. Вон и ученый, добежав до барьера, рухнул на него и безвольно повис на бетоне, словно тряпка. А что еще остается делать? Только что добежать и повиснуть рядом. Может, ободрить задохлика, мол, ладно, чего там, когда-то все равно бы пришлось помирать, и все такое...

Артем подбежал и только набрал воздуха в грудь, чтобы начать предсмертную речь, как вдруг ученый повернул к нему голову и выдохнул:

– Дошли...

– Куда дошли? – не понял Артем.

– До отбойника дошли. От него до границы купола – полтора метра.

Артем обернулся – и выдохнул, еще не до конца веря в произошедшее. Разрыв закрылся. Позади парня вздымалась монолитная стена Купола... но видимая уже с обратной стороны.

– Надо же, а когда бежал, казалось, что сейчас прямо на голову опустится, – немного растерянно произнес Артем.

– Это нормально, – кивнул ученый. – Оптический эффект, я думаю. Хотя хрен его знает. Главное – прошли.

– Это точно, – улыбнулся Артем. – Звать-то тебя как, Архимед?

– Здесь Зона, – в ответ краем рта улыбнулся ученый. – Когда сюда приходишь впервые, это, считай, как заново родился. Если нет постоянного прозвища, старое имя лучше забыть. И не противиться, когда она дает тебе новое. Архимед, говоришь? А что, мне нравится, правильный мужик был.

– Длинно больно, – покачал головой Артем. – В бою, пока всё имя проорешь, уже десять раз пристрелят. Лучше Арх. Коротко и звучно.

– Пусть будет Арх, – кивнул ученый. – А тебя как звать?

– Артемом звали по ту сторону Купола.

– Кстати, Артем тоже длинно, – заметил ученый. – Арт – самое то будет.

– Пусть будет, – кивнул Артем. Хотя новое имя ему не особо понравилось, но традиции есть традиции, против них не попрешь.

– Теперь давай-ка на ту сторону перелезем, – сказал ученый. – Можно по случаю удачного перехода привал устроить. Здесь, возле Купола, почти безопасно. Это дальше начинаются владения мутантов, а сюда они близко подходить опасаются. Так же, как раньше к МКАД.

Спорить Артем не стал.

– Тебе бы оружие какое-то не помешало, – сказал он. – Надо б арматурины найти, что ли, и заточить, пока нормальное что не найдем или не раздобудем. Голыми руками от мутов не отобьешься.

– Согласен, – кивнул Арх. – Ты пока костер разведи, а я поищу что-то типа оружия.

И ушел.

Артем мысленно пожал плечами. Что ж, дохляк прав. Не понравилось, конечно, Артему, что ученый, не спросив товарища, разрулил, кому что делать. Но, с другой стороны, выбор-то небольшой. При ином раскладе ученый бы сейчас костром занимался, а его напарник лазил по окрестностям в поисках подходящей дубины для Арха. Что неправильно. Оружие человек должен добывать себе сам.

Сухих деревьев вдоль дороги было предостаточно. Плотоядные дендромутанты от бескормицы дохнут иногда целыми рощами. Возможно, с возникновением Купола от дороги ушли подальше все муты, вот деревья и высохли, не найдя себе добычи. Наломать мертвых веток было делом нескольких минут, несложным даже для раненого. Развести костер – тоже, это в Крепости и малый ребенок сможет. Пару раз ударить обухом ножа по кремню, искусно вшитому в ножны, несколько раз дунуть на клочок трута, который всегда припасен во внутреннем кармашке кожаных доспехов, – и огонь запылал, жадно пожирая мертвую плоть хищных деревьев.

Осталось только сделать перевязку. От потери крови Артема уже слегка мутило. Не хватало еще отрубиться прямо на ходу. Хорош будет спаситель отца, ничего не скажешь. Только перебрался за МКАД и тут же сдулся. А потом пожрать бы не мешало. Спасибо отцу за вещмешок с самым необходимым, припасенный в схроне. Конечно, много рассказывали сталкеры

о Зоне, но одно дело былины слушать и совсем другое – самому добывать пищу на зараженных территориях. Освоиться надо, присмотреться, что да как, а то, судя по рассказам, здесь самому недолго стать обедом для местных мутантов.

Так что пару консервов на двоих с Архом можно уничтожить, а остальное лучше приберечь, пока не найдется более надежный источник пропитания. Кстати, надо у ученого поподробнее разузнать, что здесь вообще местные люди едят и где пищу находят. Сталкеры, уходя в рейды, всегда с собой припасы брали, чтобы не терять время на поиски еды. Но ведь что-то же ел Арх до того, как выбрался за пределы Купола...

Бамс!!!

Страшный удар по затылку прервал размышления Артема и швырнул его лицом в костер. Возможно, парень успел бы заслониться от второго удара, может даже смог бы вскочить на ноги и дать достойный отпор, если бы пламя не опалило ему брови и ресницы. На какую-то долю секунды он потерял зрение – и этой доли вполне хватило нападающему для того, чтобы ударить второй раз. И третий. И четвертый...

Заслоняя лицо руками, Артему удалось перекатиться на спину. Шурясь обожженными веками, он хотел было садануть ногой по темной фигуре, нависшей над ним. Но фигура оказалась проворнее. Она увернулась от удара и нанесла свой. Чем-то длинным, мелькнувшим в воздухе... Судя по всему, железным прутком – и прямо по голени. Послышался хруст, Артема скрючило от боли. Дьявол, похоже, перелом... Рука парня метнулась к кобуре (и чего растерялся, ногами пинался? Надо было сразу стрелять!), но и это ему не удалось. Последовал еще один удар по запястью, напрочь отсушивший руку, и Артем почувствовал, как чьи-то ловкие и сильные пальцы срывают с него пояс вместе с кобурой.

– Ну прям мой размерчик, – раздался над ухом довольный голос Арха. – Прикинь, нашел я арматурину, почистил от бетона – и подумал, что как-то несправедливо будет. Ты с ножом, пистолетом и припасами, а я, считай, голый и с железякой. Не-не, за нож не хватайся, пристрелю ведь. А патронов жалко. Так что очень аккуратно вытаскивай его из-за голенища и кидай сюда. Так, молодец. Кошель с метательными ножами тоже кидай, пригодятся. И лучше не дергайся, ладно? Я ж не гад какой в безоружного да покалеченного стрелять. Доспехи твои мне не по размеру, сапоги тоже, так что возьми только вещмешок – и прощай, друг. Спасибо за все.

Артем молчал. А чего говорить-то? Молодец ученый, в отличие от него. Еще отец говорил: никогда не стоит недооценивать друга. А уж случайного попутчика – тем более. Но кто ж ожидал от этого дохляка такой прыти? Черт, опять ошибка... Сам же еще за Куполом подметил: парень тощий, да жилистый, причем дважды через Корявый лес прошел. Значит, далеко он не лох распоследний и выживать научен покруче некоторых. Впрочем, теперь эти сведения без надобности. Черт, как же нога болит... По сравнению с этой болью раны в боку и на затылке даже и не болят – так, ноют слегка...

Окружающий мир слегка плавал перед глазами Артема, отчего тошнота подкатила к горлу. Значит, еще и сотрясение...

– Ну вот и все, – улыбнулся Арх, затянув на талии пояс с кобурой и забросив рюкзак за плечи. – Слушай, может, тебя все-таки пристрелить? Хотя нет, реально патронов жалко. Ну или ножом по горлу полоснуть, чтоб не мучился?

Артем молчал, не мигая глядя на ученого. Тот аж поежился слегка под этим взглядом.

– Не, и ножом не буду, – слегка обиженным тоном пробурчал он. – Вон ты какой здоровый. Меня б железякой со всех сил кто по голове ударил, я бы тут же на месте и окочурился. Кто тебя знает, еще бросишься, душишь начнешь. Делать добро людям – штука неблагодарная. Так что пойду я, дела у меня. Говорят, что тут неподалеку какой-то спорткомплекс есть, где башковитые ребята типа меня всегда могут работу найти. Схожу, проверю. Ну, в общем, пока. Не поминай лихом, если чего.

Артем смотрел ему в спину до тех пор, пока долговязая фигура Арха не исчезла в развалинах. Мыслей не было. Было бессильное желание догнать, рвать, вгрызаться в жилистое тело мерзавца. Но такие желания – они, как известно, от слабости. Сильный обычно думает, как ему выкарабкаться из очередного сюрприза, подброшенного судьбой, а не скрипит зубами от злости. Хотя как тут выкарабкаться со сломанной ногой и двумя пусть и слабо, но все же кровоточащими ранами?

Боль адская все умные мысли начисто из головы вышибает. И глупые – тоже. Остается лишь пустота, безмыслие и жуткая, сводящая с ума ломота в покалеченной ноге. Вот ведь проклятие! Похоже, помирать придется. Причем долго. Дня два или три. Хотя можно проще. Вон в двух шагах арматурина валяется, брошенная Архом. Доползти до нее, в землю воткнуть да с размаху напороться, скажем, так, чтоб сонную артерию порвать. И закрыть на этом все вопросы.

Артем даже попытался осуществить задуманное, но в следующее мгновение, скуля и корчась, повалился на землю. В потревоженной ноге взорвался новый комок раздражающей боли.

Парень закусил губу, чтобы не разреветься от бессилия. В семнадцать лет это случается даже с продвинутыми бойцами, не раз отбивавшими атаки мутантов с крепостной стены. Впрочем, это практически с каждым бывает в любом возрасте, когда под грузом обстоятельств приходится мучительно и больно убивать себя...

Но разреветься, жалеючи себя, не получилось. Потому что Артем услышал дыхание.

Когда слышишь такое – влажное, со змеиным шипением на выдохе и легким рычанием на вдохе, поневоле отвлечешься от своих бед, оторвешь физиономию от земли, протрешь глаза от грязи и невыплаканных слез и попытаешься рассмотреть получше, кого же это принесла нелегкая?

Это была крысособака. Очень похожая с виду на домашних крысопсов, что уже много десятилетий используют в Крепости для охоты и сторожевой службы. Похожая – но далеко не такая же.

У твари была мощная грудная клетка, крупные лапы с длинными, острыми когтями и хищная, вытянутая далеко вперед морда, на которой горели голодным адским пламенем злющие глаза. Крысособака была как минимум в полтора раза крупнее своих одомашненных собратьев. С передними клыками, вылезшими из пасти, и длинным хвостом, словно бич хлещущим по бокам, она смотрелась устрашающе. Домашние крысопсы, конечно, тоже далеко не живые игрушки, но эта тварь, казалось, только что вылезла из ада с единственной целью – разорвать и сожрать все живое, что попадется ей на пути.

Артем усмехнулся. Ну вот и не надо корячиться с арматуриной. Достаточно просто подставить горло под клыки мутанта, и меньше чем через минуту все будет кончено. Он даже честно попытался это сделать, когда собака слегка присела – и резким толчком мощных задних лап послала свое тело в полет.

Попытался...

Но – не получилось.

С детства тренированный организм отказался повиноваться хозяину. Артем чисто рефлекторно выставил вперед согнутую в локте левую руку – и тут же почувствовал, как на предплечье сомкнулись тиски.

Страшный удар швырнул Артема на спину, вызвав новый взрыв боли в раздробленной ноге. Но странно – адская, нереальная боль не погасила сознание, а вызвала жуткий приступ ярости.

– Ах ты ссука!!! – выдохнул парень.

Генетическая память предков, поколениями сражавшихся с хищниками и мутантами, проснулась разом, и сейчас уже от Артема мало что зависело.

Кожаный наруч, защищавший предплечье, хоть и трещал, но пока еще сдерживал стальную хватку челюстей крысособаки, не давая той перекусить руку. Другой человек на месте Артема попытался бы вырвать конечность из зубов монстра – и наверняка лишился не только руки, но и жизни в придачу. Тварь, вышедшая на охоту, не остановится, видя перед собой раненую жертву, которая заведомо слабее ее. Попробуешь вырваться – просто перехватит руку поудобнее, еще сильнее травмируя уже прокушенное мясо. Или бросится вперед, метя разверстой пастью в открывшееся горло.

Но не так бились предки Артема сначала с дикими волками, а после – с мутировавшими помесями крыс и собак. Сам не до конца понимая, что он делает, Артем правой рукой схватил крысособаку за затылок и начал с силой прижимать тварь к себе, вдавливая захваченное зубами левое предплечье как можно глубже в кошмарную пасть монстра.

Не ожидавшая такой реакции жертвы, крысособака на мгновение разинула челюсти пошире – как же, такой кусок сам идет прямо в желудок!

За что и поплатилась.

Рука Артема, всунутая в пасть животного до предела, сместила широкий язык мутанта назад, перекрыв твари дыхалку.

Осознав, что что-то идет не так, как планировалось вначале, крысособака рванулась назад...

Но не тут-то было! Артем уже обхватил голову твари мертвой хваткой и давил, давил, давил, чувствуя при этом, как длинные клыки монстра словно кинжалы пропарывают наруч, а также кожу и мясо на предплечье под ним, мерзко скребут по локтевой кости... Не больно – мерзко. По нервам, как железом по стеклу. Но это уже неважно, потому что в крови бушует дикий восторг предка, сумевшего утащить за собой на тот свет своего убийцу.

Артем не знал, сколько времени он удерживал в стальном захвате огромную крысособаку. Лишь когда острые когти твари наконец перестали царапать кожаную броню на животе, и ее тело, дернувшись в последний раз, обмякло, парень осторожно разжал руки.

Задушенный мутант смотрел на него остекленевшими глазами, в которых навеки застыл коктейль из вполне человеческих чувств – лютой злобы, смертного ужаса и непомерного удивления.

– Ну вот... и все, – прошептал Артем.

Это, действительно, было всё. Атака мутанта выпила последние силы, но все же парень зачем-то осторожно высвободил левую руку из пасти твари. Не все ли равно, где находится разлохмаченная конечность? Оказалось, не все равно. Артем даже выдернул из кожаного наруча сломанный клык мутанта длиной с указательный палец. Эх, жаль, что поддался инстинктам! Прошла бы псина таким клыком по шее, уже бы и отмучился. А ведь пройдет еще немного времени, адреналин уйдет – и останется только боль... Если, конечно, вот этим самым клыком не вскрыть сонную артерию на своей шее прямо сейчас...

И вдруг желудок парня свело, да так, что он аж скрючился на земле, поросшей сухой, бесцветной травой. Голод! Зверский, мучительный, животный...

«Чушь какая-то, – пронеслось в голове Артема. – Вроде раненым вообще не должно жрать хотеться. А тут – хоть собственную руку за крысособакой дожирай. Хотя... почему собственную?»

Никогда раньше не слышал Артем, чтобы кто-то из людей ел плоть убитого мутанта. Даже в голову такое никому не приходило. Наверно, потому, что не были те люди в такой ситуации – покалеченные в хлам, а рядом – только этот самый дохлый мут и валяется. И жрать охота неммыслимо...

В общем, вместо того чтобы самоубиться острым зубом крысособаки, Артем раздвинул черную шерсть на шее твари, вскрыл артерию и припал к ране, урча от удовольствия, словно какой-нибудь нео, дорвавшийся до свежей крови...

Она не была вкусной, эта теплая, солоноватая, маслянистая жидкость, словно сама собой стекающая в желудок, трепещущий от ожидания. Она была необходимой, как необходим воздух утопающему, которого только что вытащили из реки. Нет вкуса у воздуха, как нет его у воды, которая льется в иссохшее горло путника, который сутки блуждал по Зоне с прохуdivшейся флягой, так и не встретив на своем пути родника. Но нет ничего отраднее глотка воздуха, воды или крови для того, кто не променяет его на все возможные богатства мира, сгоревшего в пламени Последней Войны...

Артем оторвался от раны, только когда почувствовал, что фонтанчик, бьющий прямо в горло, превратился в скудные капли, которые приходится с трудом высасывать, зарываясь всем лицом в вонючую шерсть. Отвалившись от трупа, Артем тяжело упал на спину и уставился в серое небо.

«Словно обожравшаяся болотная пиявка, – невесело хмыкнул он, ощущая приятную тяжесть в животе. – И что это на меня нашло?»

Нога болела, болела рука, но сильнее боли сейчас была сонливость, внезапно охватившая парня. Помнится, отец говорил: нет ничего страшнее, чем оказаться в Зоне раненым, беспомощным, без оружия. Но спать здесь одному, на открытой местности, без огня равносильно смертному приговору.

«А мне-то чего терять? – усмехнулся Артем. – Сожрут – ну и пусть, если оно во сне случится, даже лучше будет».

И, не в силах более сопротивляться накатившей дрёме, парень провалился в сон – темный и глубокий, словно желудок жука-медведя.

* * *

Тоннель все же вел на поверхность, где и в самом деле царилась ночь.

– До рассвета еще часа четыре, не меньше, – зевнул в кулак Ион.

– Если вы хотите спать, то я могу караулить, – заявил Колян, недвусмысленно тряхнув своим автоматом, приваренным к огрызку манипулятора.

– Да неплохо было б, – согласился Данила. – Но сначала пожевать чего-нибудь надо на сон грядущий.

– С пожевать неважно, – сказал Ион, доставая из рюкзака две банки тушенки и сухарь. – Это все, что осталось.

– У меня пласт вяленого мяса есть, – произнес Данила, сгребая в кучу сухие ветки, в изобилии валявшиеся возле выхода из тоннеля. Похоже, когда-то выход маскировали, но со временем маскировка высохла и осыпалась, превратившись в идеальное топливо для костра.

– А я есть давать спирт, если надо, – проговорил Колян, недвусмысленно погудев микролифтом.

– Не надо, – покачал головой Данила. – С рассветом свежая голова потребуется. До Кремля дорога неблизкая и небезопасная. Вот дойдем до дома, тогда и расслабляться будем.

Перекусив на скорую руку, Данила с Ионом легли спать прямо на голой земле, подложив под головы рюкзаки. Ион поворчал немного, мол, не стоит башку-то пристраивать на мешок с радиоактивным шамиритом, на что Данила лишь улыбнулся и показал какую-то деревяшку.

– Дозиметр, – пояснил он. – Показывает, когда опасно для здоровья, когда нет. Сейчас неопасно.

Ион буркнул что-то вроде: «Что дружиннику неопасно, то обычному человеку – смерть», – но Данила не расслышал. Он спал...

...Разбудил его не слабый солнечный лучик, запутавшийся в ресницах, а дикий вопль серва, резанувший по ушам, словно древняя механическая пила, которую изредка применяют в Кремле для разделки панцирей дохлых биороботов.

– Зомби! Всем вставать!! Зомби!!!

Привычный ко всему Данила, еще не проснувшись окончательно, ушел в пережат подальше от костра, на середине движения выхватив из-за пояса длинноствольный кремневый пистоль, который таскал с собой и как память о доме, и как оружие последнего шанса. Конечно, многозарядные пистолы и фузеи штука замечательная, но, когда кончаются патроны, и старинный друг пригодиться может. Взвести курок, сдвинуть крышку полки – дело одного мгновения. Заодно определяемся, куда палить будем. Скорее всего, в фигуру, что, покачиваясь, лезет из черного зева тоннеля, еще неважно различимого в предрассветном тумане. Но почему Колян не стреляет, лишь ревет, словно сбесившийся нео:

– Зомби!!! Это зомби!!!

«Откуда зомби? Почему зомби?» – металось в голове Данилы. Мертвых деревьев, живущих как паразиты в основном за счет поглощения энергии Полей Смерти, вокруг не наблюдалось. Мерзкие, кстати, растения – могут обхватить ветвями зазевавшегося путника и выпить кровь. Но это у нас и кусты могут, явление привычное. О чем тогда так надрыгается серв?

Правда, через мгновение до полусонного дружинника дошло. Вспомнилось. В древности «зомби» называли сказочных живых мертвецов, которые гонялись за живыми и жрали их почем зря. Странные персонажи. Если ходит и жрет, значит, уже не мертвый. Значит, живой, только живущий по-другому, не так, как обычный человек. Таких у нас здесь на каждом шагу море – что не мутант, то иной, хоть и человекообразный. Но серв вроде никого из них раньше не боялся, наоборот, крошил почем зря. Чего ж он сейчас пятится от фигуры, копошащейся в тумане, будто оживший «Маунтин А14» увидел?

Правда, еще через мгновение Данила и сам опешил. Настолько, что пистоль опустил и рот открыл от удивления.

Из тумана к ним неуверенной походкой шел... Шерстяной. Глаза белые, передние лапы вытянуты вперед, сам трясется, шатается... но идет! Данилу заметил – и завыл жутко, протяжно, аж до косточек пробрало...

– Великий Механик... – раздался над ухом Данилы тихий шепот Иона. – Зомби... Оживший мертвец пришел забрать души тех, кто его не похоронил... Я читал в детстве – если стрелять, то только в голову...

– Отдайте... мой... шамирит!..

Хриплый вопль вырвался из груди ходячего мертвеца. До его протянутых вперед лап с обломанными когтями оставалось не более десяти метров...

Данила закусил губу, приподнялся, вскинул пистоль... Справа щелкнул переводчик огня – это вскинул свой автомат Ион.

– Охренели, что ли? Пошутил я, пошутил...

Глазные яблоки Шерстяного повернулись вниз, явив из-под верхних век черные точки зрачков. Пасть, с которой только что капала пена, расплылась в знакомой ухмылке.

Дружинник еле удержал палец на спуске. А вот Колян от неожиданности не смог. Ударил одиночный выстрел, и Шерстяной, схватившись за грудь, рухнул в кусты.

– Кажись, серв нашего кореша второй раз грохнул, – в замешательстве произнес Ион.

Данила вскочил и ринулся к Шерстяному, на бегу засовывая за пояс пистоль. Ион – следом.

– Что же это?.. Как же это быть?.. – причитал Колян, семена на паучьих ножках к месту трагедии.

Однако трагедии не получилось.

Из кустов, забористо матерясь, вылез Шерстяной, весь в репьях и сломанных иглах, застрявших в свалывшейся шерсти.

– Зря я тебя, насекомый, броневиком не задавил, – прорычал мутант, выковыривая репы из шерсти обломанными ногтями. – И вообще, вы все суки потрошённые. Бросить меня посреди какой-то пещеры. Шамирит спёрли, даже автомат утащили...

– Ты был мертвый, Шерстяной, – проговорил Данила. – Я могу отличить живого от трупа.

– А сейчас я что, тоже мертвый? – с вызовом воскликнул мутант.

Ион подошел к дебоширу, задумчиво потрогал входное отверстие пули на волосатой груди, потом положил руку на шею Шерстяного.

– Чего ты меня как бабу лапаешь? – возмутился мутант. – Я, кажись, ясно спрашиваю – что, я, по-вашему, и сейчас мертвый?

– Да, – немного растерянно произнес Ион. – У тебя только что пуля прошла навывлет через сердце. И пульса нет...

– Как нет? – заорал Шерстяной. – А куда он делся?

– Он исчезнуть, когда ты умереть в тоннеле, – грустно сказал Колян. – Мы все видеть это и очень сильно горевать.

Шерстяной переводил недоуменный взгляд с одного своего товарища на другого, ища хоть малейший намек на то, что друзья решили над ним подшутить. Безуспешно. Наконец, до него помаленьку начало что-то доходить. Он медленно опустил взгляд вниз, словно боялся сделать это раньше, дотронулся до сквозной раны, из которой так и не появилось ни капли крови.

– А на спине у меня что? – спросил он с дрожью в голосе, поворачиваясь.

– Выходное отверстие, – сказал Ион. – Кулак просунуть можно. И кость торчит.

– Твою мать, – выдохнул Шерстяной с дрожью в голосе. – И не больно ведь ни капли...

А я-то иду по тоннелю и думаю – что за ерунда? Могу дышать, а могу и не дышать, один хрен. Просто, когда не дышишь, говорить не можешь. А оказывается...

– Выходной отверстий все равно зашить надо, – сказал Колян. – А то вывалится из тебя что-нибудь нужное, а ты и не заметишь. Ложись на брюх, буду штопать.

Шерстяной повиновался без сопротивления. Реальность, о которой он догадывался, но боялся до конца осознать и принять, оглушила его, словно пыльным мешком по макушке.

– Дык как же это получилось-то? – потерянно бормотал он, пока Колян деловито зашивал дыру у него в спине. – Дык меня ж просто по спине долбануло, я и вырубился. А потом очнулся – никого. Ну и попер вперед. А оказалось, что я померший...

– Думаю, это действие шамирита, – тихо произнес Ион, глядя на другие швы, наложенные Коляном этой ночью на спину Шерстяного. – Пули пробили мешок, размолотили несколько кристаллов, и в раны попала шамиритовая пыль. Теперь у волосатого другой обмен веществ. Не представляю, чем он кормиться будет при таких раскладах. Шамиритом, что ли?

– Мяса хочу, – пробубнил Шерстяной. – Сырого.

– Любой будешь? – поинтересовался Колян, перекусывая манипулятором нитку.

– Угу.

Загудел микролифт, серв нырнул манипулятором себе под брюхо, вытащил оттуда брикет розового фарша и сунул под нос мутанту.

– Кушай, плиз.

Шерстяной поднялся с земли, схватил презент, засунул его в пасть и жадно зачавкал.

– Вот теперь я точно по ночам спать не буду, – тихонько проговорил Ион. – Вдруг он подкрадется и вцепится.

– Я фее флыфал, – прочавкал Шерстяной. – Не, тебя ефть тофно не фуду. Фредный ты, Ион, как по физни, так и для пифеварения.

– В общем, теперь у нас в команде есть свой зомби, – задумчиво проговорил Данила. – Такой же, как и был, только не дышит и вместо жареного мяса трескает сырое.

– И еще в него стрелять можно вполне безболезненно, – заметил Ион. – Ну чисто для тренировки.

Шерстяной стряхнул крошки фарша с волосатого подбородка и грустно заметил:

– Ну я, по ходу, конкретно попал. Так теперь и будете меня по жизни подкалывать?

– А ты как думать? – довольно проскрипел Ко-лян. – Теперь тебе за паукообразный все зачесться.

– Ладно, потрепались – и будет, – сказал Данила. – Теперь бы невредно узнать, как нам к броневику подобраться. Там же патронов немеряно осталось. И «Корд»...

– Ща попробую, – сказал Шерстяной, подходя к высокому хищному дереву, что росло неподалеку. – Есть у меня одна мысль.

Он поплевал на ладони и осторожно шагнул под толстые ветви дендромутанта, явно готовясь отпрыгнуть, если дерево попытается его схватить.

Но не тут-то было. Дерево как стояло, растопырив во все стороны ветви, так и не пошевелилось, даже когда Шерстяной подпрыгнул и полез вверх по стволу, сноровисто перебирая когтистыми лапами.

– За своего посчитало, – заметил Ион. – Я у себя в Зоне Трех Заводов по малолетству сказку читал. Про мутанта деревянного. Тоже жлоб был редкостный...

– Я и это слышал, – пропыхтел с дерева Шерстяной. – Сочтемся, хомо. Хоть и вредный ты, но, видать, придется... кровушки твоей попить ночью. Глядишь, языком ворочать... уффф... не так бойко будешь...

Шерстяной оседлал одну из веток и всмотрелся в даль.

– Ну что там? – не выдержал Данила, остро сожалеющий о том, что не прихватил с собой «Корд» – боялся, что не развернется с ним в подземелье, а вон как оно вышло...

– Хреново, – резюмировал Шерстяной результат своих наблюдений. – Сиамы остров окружили. Видать, ждут, когда мы наружу вылезем. Не пробиться к броневику.

– Значит, придется к Кремлю топтать с тем, что есть в руках, – грустно сказал Ион. – Патронов с гулькин нос, зато шамирита мешок...

– Ты моим шамиритом не очень-то распорядись, – прорычал Шерстяной, слезая с дерева.

– На фига мертвецу такое богатство? – удивился Ион.

– Не твоё дело, – проворчал мутант, спрыгивая на землю.

– Друзьям Данилы в Кремль он бы очень пригодиться, – заметил Колян.

Шерстяной скорчил было недовольную гримасу, но потом махнул лапой:

– Ладно, подавитесь. Только сразу предупреждаю: за мой шамирит пусть твои кремлевские меня на тройное довольствие ставят. Я и раньше пожрать любил, а сейчас меня на мясо тянет прям со страшной силой.

– Понимаю, – весьма натурально вздохнул Колян.

– Ну теперь у вас будет дружба не разлей вода на почве общих интересов, – усмехнулся Ион. – Если только из-за очередного шмата мяса не передеретесь.

Шерстяной и серв заворчали синхронно.

– Смотри, как бы ты этим шматом не оказался, – подмигнул стабберу Данила. – Ну все, выдвигаемся. Поди, в Кремле меня уже отец Филарет заждался. Уверен, что и вам он обрадуется. Хорошие воины Кремлю всегда нужны.

– Даже вредного зомби и прожорливого робота-каннибала примут? – делано удивился Ион.

– Обязательно примут, – улыбнулся Данила, протягивая Шерстяному его автомат.

* * *

Как это приятно – проснуться дома на мягком матрасе и лежать, не открывая глаз... Сон еще не отпустил тебя насовсем, и ты балансируешь между двумя реальностями, словно пушинка на лезвии бритвы, не зная, куда упадешь – обратно в мягкие объятия дремы или туда, где тебе придется открыть глаза и увидеть знакомую с детства картину: тусклое окно, затянутое турьим пузырем, бревенчатую стену, потемневшую от времени, и оскаленную голову рукокрыла на этой стене, которую после соответствующей обработки прибил туда отец...

Отец! Эта мысль решительно перевесила невидимые качели, и Артем с некоторым усилием разлепил глаза.

Нет, мягкое под ним не было матрасом. Он лежал на огромной крысособаке. Но оскал ее кошмарной пасти уже не был опасен, и злоба, навеки застывшая в остекленевших глазах твари, теперь никогда не найдет себе выхода...

Артем брезгливо скривился, оттолкнул от себя дохлого мутанта, поднялся на ноги... и удивился безмерно. Постепенно рассеялся послесонный туман, клубящийся в мозгах любого живого существа, продравшего глаза, и парень наконец осознал, что жуткий кошмар вовсе не приснился ему ночью. Он произошел на самом деле. Вот труп мутанта, едва не лишившего его жизни, а вон в двух шагах валяется ржавая арматурина, которой подлый Арх долбанул Артема по затылку...

Но почему в таком случае он стоит на обеих ногах, не испытывая при этом ни малейшего дискомфорта? Артем даже на всякий случай штанину задрал, пощупал голень. Да нет, нога как нога. Правда, если очень вдумчиво мять, можно нащупать на ней небольшую шишечку, похожую на костную мозоль, что случаются на месте сращенных переломов. И на левой руке имеются несколько едва заметных розовых полосок, смахивающих на шрамы, которые остаются от неглубоких порезов.

Артем с сомнением посмотрел на труп мутанта. Помнится, старики в Крепости рассказывали легенды о черных крысособаках, кровь которых способна заживлять любые раны. Таких сказок Артем наслушался в детстве пруд пруди. Получается, не только небылицы травят пожилые воины возле вечерних костров... Правда, ни разу не слышал Артем, чтобы герои былили пили кровь мутантов. Обычно на раны лили или купались в ней, если сказочная крысособака была размером с жука-медведя. Никто из рассказчиков не додумался до такого, чтоб человек в здравом уме пил свежую кровь хищной твари. В Крепости даже травоядных туров едят лишь после того, как их мясо вымочат пару дней в уксусе и прожарят как следует. А тут – свежая кровь...

Артем ощутил легкий рефлекторный спазм в желудке, который, впрочем, тут же исчез. С удивлением парень почувствовал, что сейчас он был бы не прочь отрубить лапу убитого врага и запросто употребить ее вовнутрь даже без вымачивания и прожарки...

Но разделять мутанта было нечем. К тому же укоренившиеся с детства правила все же пока тормозили новые, весьма удивительные для Артема желания. Одно дело в полубессознательном состоянии поддаться голодному порыву, и совсем иное – в здравом уме и твердой памяти жрать сырую крысособачатину. Сплюнув набежавшую вязкую слюну, Артем подобрал с земли арматурина – все-таки какое-никакое, а оружие.

И призадумался...

Что делать? Куда идти? Без нормального оружия, припасов, снаряжения в Зоне верная смерть...

«Впрочем, одну смерть ты уже пережил, – усмехнулся про себя Артем. – Значит, второй можно особо не опасаться. Отец говорил, что вдвое легче проходит бой с известным врагом, чем с тем, о котором ты ничего не знаешь».

Словно в подтверждение его мыслей неподалеку в развалинах раздался выстрел. Потом еще один. Кто-то там то ли воевал, то ли охотился. Значит, было чем.

Артему очень захотелось, чтобы это был Арх. Дорого бы дал сейчас парень, чтобы иметь возможность всадить гаду арматуру в глотку по самую сигмовидную кишку, аж снова слюна набежала от предвкушения. Но тот, кто долго мечтает и облизывается, обычно пролетает мимо призов.

«Хорош стоять столбом и офигевать от факта чудесного излечения, пора и за дело», – подумал Артем, поудобнее перехватывая свое примитивное оружие. Эх, только бы Арха увидеть, а там посмотрим, насколько пистолет в руках яйцеголового эффективнее куска железа, который сейчас сжимает до боли в ладонях сын сталкера.

Немного пригнувшись, чтобы не особенно отсвечивать, Артем побежал к развалинам.

Невысокие постройками-домики, которые люди возводили до Последней Войны для своих машин (они вроде как «гаражами» назывались, или что-то в этом роде), сохранились довольно неплохо. Отец рассказывал про такое. Где-то время стерло с лица земли целые кварталы, а в некоторых местах Зона зачем-то сберегла здания, оставив их практически нетронутыми.

Здесь было нечто среднее. Огромное строение, в котором машины стояли словно в сотах, развалилось на бетонные блоки. А вот рядом стоящие домики остались нетронутыми, на некоторых даже краска не до конца облезла... Вот из-за них и раздавались выстрелы.

Артем, осторожно лавируя между гаражами, словно аспид, приближался к месту схватки. Уже были слышны гулкие удары о землю, словно тяжелые камни на нее падали. Что бы это могло быть?

Внезапно гаражный городок кончился. Перед Артемом лежала давным-давно заброшенная стройка. В центре – жутковатый изуродованный скелет подъемного крана, проржавевшего и рухнувшего вниз под собственной тяжестью. По довольно большой площадке разбросаны стопки плит, поросших мхом, бетонные болванки, какие-то конструкции непонятного назначения. И среди этого хаоса мечется крохотная человеческая фигурка, тщетно отстреливаясь от молодого жука-медведя.

«Каюк мужику», – только и подумал Артем. Против жука-медведя одному никак не сдюжить. Быстрая, хитрая, коварная тварь, к тому же мощная, как крепостной таран, способная на своих шести ногах догнать любого, даже самого быстрого бегуна, шутя подбросить передней лапой в воздух – и, поймав кошмарной пастью, сожрать на бегу, не снижая скорости.

Артем разглядел, что в руках у человека был короткий автомат странной формы, из которого он время от времени палил по огромному мутанту. Дохлый номер. Жука-медведя не убить, если не знать, куда стрелять. Да если даже и знаешь, все равно шансы завалить огромного мутанта крайне малы. Однажды вылезло такое чудо-юдо из Зоны, когда еще Купола не было, и поперло на Крепость. Еле отогнали от стен массивированным огнем из всего, что могло стрелять. А тут мужик явно не в теме, пытается по глазам стрелять, не зная, что у жука-медведя веки защищены толстенными костяными наростами, и в момент выстрела он их прикрывает или морду отворачивает, подставляя череп, который и из чугунной пушки вряд ли пробьешь. Чувствует, когда ему именно в башку стреляют. Команч после нападения жука-медведя просил вешкинских одну пушку продать за хорошие деньги – у торгашей их целых четыре. Не, не продали, хотя вдвое дальше Крепости от Зоны находятся, и стены у них и толще, и выше. Это они, конечно, правильно сделали. Артем бы на месте вешкинских тоже не продал бы. Барыш барышом, а безопасность – превыше всего.

А потом у мужика то ли патроны кончились, то ли автомат заклинило. С досадой отбросив бесполезное оружие, он вытащил из ножен два слегка кривых меча... и сам попер на жука-медведя. Артем аж рот открыл от такого.

В своем полностью черном, свободном костюме мужик казался смазанной тенью – настолько быстро он двигался. Громадный мутант занес было лапу, чтобы одним ударом при-

хлопнуть шустрое насекомое, – и взревел, зло и обиженно. Проскользнув под занесенной лапой, мужик умудрился рубануть обоими мечами по подушечкам пальцев, незащищенным роговым панцирем. Самих ударов Артем не видел – лишь короткими молниями блеснули два клинка, а потом по ушам резанул вопль жука-медведя.

Естественно, мутант разъярился, шибанул громадной лапой наотмашь. Не попал, лишь снес стопку бетонных плит, на которой мгновение назад стоял мужик в черном. А тому хоть бы хны. Подпрыгнул, ногой оттолкнулся от остова подъемного крана и в полете вонзил клинок одного из мечей прямо в ноздрю врага.

«А вот это правильно», – про себя отметил Артем. У жука-медведя три уязвимых места – брюхо, глотка и нос величиной с два кулака взрослого мужчины. В который, кстати, попасть нереально – уж больно быстро двигается зверюга, при этом еще и башкой мотает из стороны в сторону. Но мужик попал, оказавшись быстрее одного из самых быстрых и страшных обитателей мертвого города.

От рева раненой твари у Артема слегка заложило уши. Он аж глаза прикрыл непроизвольно. А когда открыл, присвистнул от удивления. Мутант улепетывал с места битвы, только пятки сверкали да земля стонала от топота многотонной туши. Кому расскажи, что мужик с двумя мечами обратил в бегство жука-медведя, на смех подымут и до конца дней будут брехуном-сказочником считать. Так что, коль доведется снова среди людей оказаться, лучше об увиденном помалкивать.

Кстати, мужик-то, похоже, от прыжков да кульбитов слегка подустал. Хитро вертанул своими мечами, стряхивая кровь с клинков, и ловко, синхронным движением, отправил их в ножны, привязанные за спиной крест-накрест. После чего опустился прямо на землю... хотя нет, не на землю. На колени встал и на пятки уселся. Диковинно. Ни разу не слышал Артем, чтобы люди таким образом отдыхали. А этому хоть бы хны. Глаза закрыл и застыл, будто статуя, вырезанная из черного дерева.

Артем призадумался, не зная, как вести себя в такой ситуации. О черных людях, шастающих по Зоне, он ни разу не слышал. Маркитант, может? Да нет, отец рассказывал, что они все больше в камуфляжах да старых армейских комбезах ходят... Интересно, для чего вообще может служить такой костюм? Разве только по ночам в нем шастать, чтоб никому на глаза не попадаться...

– Подойди, – внезапно донеслось до Артема. Вернее, не донеслось – в голове прозвучало. Но парень как-то сразу понял, кто сказал и кому сказал...

Дальше прятаться было бессмысленно и даже глупо. Терять тоже нечего. Захочет этот в черном зарубить шибко любопытного типа, зарубит в два счета. Можно даже не пытаться арматурой отмахиваться, скорее всего, только большее будет – например, вместо того, чтоб голову с плеч снести, живот вскроет и оставит лежать, бабочек-падальщиков кормить...

Все это Артем крутил в голове, пока спускался с невысокого откоса и шел к неподвижно сидящей фигуре. Интересно, как это он так разговаривает, что слова в голове отдаются, будто звон в колоколе?

– Это называется искусство харагэй, общение без слов, – негромко произнес незнакомец. – Правда, оно требует много сил...

Только сейчас Артем заметил, что левый рукав сидящего немного темнее, чем остальной костюм. Ага, значит, не только для того такой цвет, чтоб быть невидимым в ночи, а чтоб еще и крови на одежде видно не было. Ни чужой, ни своей. Особенно своей, что может деморализовать в бою и самого воина, и его товарищей.

– Я ответил на твой вопрос, – негромко продолжал незнакомец. – Теперь твоя очередь. Что это за место?

– Зона, – пожал плечами Артем. И, видя непонимание в глазах собеседника, пояснил: – Москва. Так раньше называлось это место.

«Странно. Шастает по Зоне, с мутантами рубится – и не знает, где находится. Он что, с неба свалился?»

– Почти, – еле слышно произнес мужик с мечами.

На вид ему было лет двадцать восемь – тридцать. Хотя если по глазам судить, то все сорок с хвостиком. По всему получается, много эти глаза повидали на своем веку такого, от чего взгляд стареет быстрее тела.

– А сам-то ты откуда? – спросил Артем.

Мечник неопределенно хмыкнул.

– Тоже из Зоны. Только из другой. Находящейся в ином государстве... и в ином мире.

«Мужик-то, похоже, того... с приветом», – подумал Артем. А вслух произнес:

– Получается, ты это... типа, перешел из одного мира в другой?

– Типа того, – ответил мужик. – Невеликий труд для того, кто умеет это делать, правда?

– Ну да, – на всякий случай кивнул Артем. – А... зачем?

– Когда у тебя не осталось никого и ничего в одном мире, логично попробовать поискать себя в другом, – туманно ответил мужик. – Надеюсь, допрос окончен?

Артем пожал плечами.

– Может, я сбегая, принесу тебе черную крысособаку. Ты ж ранен, а из нее еще можно крови надавить.

И, видя непонимание в глазах мужика, пояснил:

– Ну кровь черной крысособаки раны заживляет. Если глотнешь и не сблюешь, так вообще нормально, даже следа не останется.

– Крысособака – это что за зверь? – уточнил мечник.

Артем почесал в затылке. Не слышать про крысособак... Ну да, он же, типа, из другого мира, ему про такое знать не положено. И пояснил, будто умалишенному, терпеливо, с расстановкой:

– Мут это. Старики говорят, зверь, получившийся от скрещивания крысы и собаки. Правда, хрен его знает, кто такие крысы и кто такие собаки. За двести лет после Последней Войны и те и другие передохли, только крысособаки и остались.

– А Последняя Войны была... ядерная? – уточнил странный собеседник.

– Ну да, какая ж еще, – хмыкнул Артем. – Вишь, от города почти ничего не осталось, одни развалины.

– Понятно, – кивнул мужик. – Кажется, я догадываюсь, что это за место. Один мой друг рассказывал про него... Ты про Снайпера случайно ничего не слышал?

– Слышал, а как же, – кивнул Артем, а про себя подумал: «Ясное дело, придуривается дядька. Сам, типа, не местный, а про Снайпера знает». Но игру продолжил. К хорошему бойцу отец учил всегда уважение проявлять – мало ли как оно обернется, с хорошим бойцом-то. – Кто ж про Снайпера не слышал? Говорят, ходит по земле он с дальнобойной фузеей и справедливость восстанавливает. Так это, может, все же крысособаку-то принести?

Вместо ответа мужик задрал рукав, разорванный когтем жука-медведя, – и Артем вылупил глаза.

По предплечью мечника шла глубокая рваная рана... которая затягивалась прямо на глазах. Кровь из нее уже не шла, только гной слегка сочился, выталкиваемый стремительно заживаемой плотью.

– Впечатляет, да? – усмехнулся мужик.

– Не то слово, – выдохнул Артем. – Как это?

– Просто, – с безразличием в голосе сказал мечник. – Когда на меня неожиданно напала эта тварь и рванула когтем, я сыпанул на рану одним средством.

– Каким? – упорствовал Артем. Все, что касалось лечения, было насущным и необходимым. В Крепости ценились любые знания на эту тему, а лекари везде были на вес золота. – Расскажи. Пожалуйста.

Мечник вздохнул:

– В трактате Сунь сы-мяо «Необходимые рецепты в тысячу золотых» сказано: «Если человека мучают нарывы, нужно взять землю с древней могилы, смешать ее с чистой водой, добавить туда размельченные цветки пиона, смешанные с соком ревеня, и натереть этим составом язвы, тогда они исчезнут». Как видишь, этот рецепт действует и на раны.

– Вижу, – потерянно произнес Артем. – Ты сильный шаман, которые, как говорят, живут вечно. Только не пойму, где твои глазные щупальца?

– Просто я читаю много старых книг, – тихо произнес мужик.

– А твой Сунь сы-мяо – шайн, судя по имени, – продолжил мысль Артем, уже не слушая собеседника. Ему было страшно. Сталкеры рассказывали, что мутанты – это порой страшнее смерти. Но тем более страшно, если они приходят в человеческом обличье.

– Он китаец, который ушел из жизни... хммм... более полутора тысяч лет назад, по вашим меркам. Ушел – но не умер, а достиг бессмертия при помощи метода освобождения от трупа. Кстати, если интересуешься вечной жизнью, найди его книгу «Рецепты продления жизни из изголовья». Рекомендую.

Но Артем уже ничего не соображал. Мысли бились в его голове, как затравленный зверек в замкнутом пространстве.

«Шам... Только без щупалец... Бежать... Но куда? Подчинит себе, будет пить кровь, как из живого бурдюка... Потом заберет душу, чтобы накормить свою, вечно живущую. Старики говорят, это вечный плен, который хуже смерти...»

Взгляд Артема метнулся к арматурине, которую он все еще держал в руке. Всадить, что ли, в шею, пока шам не подчинил его мысли и тело?

Мечник взглянул на разом побледневшее лицо парня – и невесело улыбнулся.

– Не торопись умирать, – произнес он. – Еще успеешь. Вижу, есть у тебя два важных дела – спасти и убить. Грустно, что в любом из миров это зачастую одно и то же... Но ни то ни другое в любом мире не делается без оружия. На вот, возьми.

С этими словами мужик сунул руку за пазуху и достал оттуда... изогнутую палку. Вернее, так поначалу показалось Артему.

Мужик же неторопливо взялся за оба конца палки, потянул – и в одной его руке оказался длинный нож без гарды, а в другой – ножны, похоже, специально выточенные так, чтобы со стороны оружие казалось безобидной деревяшкой. Кончик слегка изогнутого клинка был странной формы: не сходящийся плавно к острию, а словно обломанный под углом.

– Танто, – сказал мечник. – Хорошее оружие для того, кто умеет им владеть. А для того, кто не умеет, все же лучше, чем простая железка.

Артем перевел дух. Станный шам, похоже, не собирался делать из него живую куклу. Более того, нож протягивает, хотя сам лишился огнестрела. Вон его автомат валяется, раздавленный лапой жука-медведя. Хотя при сноровке этого воина ему и пары мечей хватит за глаза.

Страшновато было Артему брать подарок из рук то ли мутанта, то ли человека – парень так и не разобрался, кто перед ним на самом деле. Но насчет оружия его собеседник определенно прав. К тому же дают – бери, а не щелкай нижней челюстью, пока не передумали.

Он протянул руку, взял нож. Тяжелый... Таким и веток сухих для костра нарубить можно, и от некрупного хищника отбиться, типа той же крысособаки.

– Благодарю, – буркнул Артем. И добавил: – Правда, я так и не понял, зачем это ты оружием разбрасываешься.

Мужик ничего не ответил, лишь поднялся с пяток легко, будто ничего не весил, поправил рукав, прикрывая полностью зажившее предплечье, повернулся, собираясь уйти, но в последнее мгновение передумал и бросил через плечо:

– Я не разбрасываюсь. Просто даю тебе шанс, которого не было у моего сына...

И пошел не оглядываясь в сторону разрушенной эстакады, видневшейся неподалеку.

А Артему вдруг стало стыдно. Запаниковал, будто дикий ворм, увидевший болотного демона. Мужик и мужик, просто много знает и умеет. Может, даже сталкер из какой-нибудь другой крепости. А что с приветом – так мало ли что с ним в Зоне произошло. Вон сына своего вспомнил, который, похоже, погиб. От такого у любого отца крыша съедет...

– Звать-то тебя как? – запоздало крикнул Артем вслед удаляющейся черной фигуре.

– Когда-то меня звали Виктором, – принес ветер уже еле слышный ответ.

* * *

– Фухх, – выдохнул Ион, присаживаясь на ствол дерева, поваленного то ли ветром, то ли разыгравшимся жуком-медведем. – Вот уж не думал, что можно по Зоне отмахать без малого десять километров и не встретить ни одного мутанта. Вымерли они все, что ли?

– Может, вымерли. А может, гон у них по случаю возникновения Купола, – сказал Данила, разводя на земле небольшой костер – благо сушняка вокруг было навалом.

– И куда это нас хрен принес? – мрачно поинтересовался Шерстяной. – Крюка-то мы дали знатного, чтобы ареал сиамов обойти, только вот убейте – без понятия я, где это мы сейчас.

– Сейчас посмотреть, – сказал Колян, глубокомысленно закатывая к небу крохотные подвижные видеокамеры, заменяющие роботу глаза.

– Куда это ты посмотреть? – ехидно поинтересовался волосатый зомби.

– Мой потратить много энергий на восстановление сам себя и починить блоки, отвечающий за тактический карты.

– Так вот ты куда мой шамирит переводишь? – зашипел Шерстяной. – Мозги себе прочищаешь?

– Тихо, не ссоримся, – тормознул вредного мутанта Данила. – Что там, Колян?

– Мы сейчас в парк Сокольники, – выдал серв. – До Кремль три с половиной мили на юго-запад.

– Это какой-такой «миля»? – проворчал Шерстяной. – Которым в древности мерили уровень спирта в крови?

– Около пять с половиной километр, – бесстрастно поправился серв. – А кому-то вредно читать древний книжки. Все равно ничего не запомнит, а что запомнит – переверт.

– Ладно, – хлопнул ладонью по колену Данила. – Кончаем трепаться, перекусываем – и завершающий марш-бросок по прямой до Кремля.

– По прямой, может, не надо? – неуверенно вставил Колян. – Если по прямой, то придется пересекать объект, который обозначаться на карта как «специальная база № 165». Мой не знать, что это такой. Возможно, это есть военный база, который...

– Да хорош тебе гнать, паукообразный, – рыкнул на робота Шерстяной, чавкая тушенкой. – До этого по болотам шатались, всё стрёмные места обходили. Сейчас снова обходить. Вечер на дворе, не заметил? А я не очень-то хочу ночевать под открытым небом, хоть и мертвый теперь.

– Я твой понимать, – в кои-то веки согласился серв с вормом. И добавил: – Крысособаки мертвечинку-то ой как любить. Особенно тот, который старый, гнилой и вонючий.

– Всё. Я за себя не ручаюсь, – сказал Шерстяной. – Сейчас я буду его разбирать на винтики.

– Да ладно тебе, остынь, – хохотнул Ион, выковыривая со дна консервной банки остатки мяса. – Сам подставился. В общем-то, я с тобой согласен. Лучше рискнуть и по прямой засветло дойти до Кремля. Боеприпасов-то у нас кот наплакал. Колян не в курсе, что это за спецбаза. Может, там уже и нет ничего. Стало быть, риск гипотетический. А вот ночные мутанты-охотники – это уже более чем реально.

– Принято, – сказал Данила. – Идем по прямой. Не разделяемся, не теряем друг друга из виду, двигаемся группой. Если тормозить не будем, до темноты точно в Кремль попадем. Пройти пять километров по развалинам за полтора часа – вполне реально...

...Они прошли мимо большого, насквозь проржавевшего стенда, на котором еще можно было различить надпись «Парк культуры и отдыха „Сокольники“», миновали улицу, сплошь заросшую слабо шевелящимся рыжим мхом и оттого похожую на огненную ленту, оставили позади мрачное полуразрушенное здание, на широком козырьке которого сохранились буквы «...осков...кий...ертолетный завод имен...» – и остановились.

Перед ними лежала дорога, вчетверо шире той, что они только что миновали. Огненный мох на ней был гораздо более плотным... и гораздо более живым. Время от времени по рыжей реке пробегали самые настоящие волны, из гребней которых вырастали полуметровые ложноножки.

Но не это было самым жутким в окружающем пейзаже. Чуть поодаль, на противоположной стороне дороги возвышалась группа унылых серых зданий, ничуть не пострадавших ни от войны, ни от времени.

– Странно, – проговорил Ион. – Второй раз такое вижу, чтоб дома были полностью как новые. Ну возле аномалии понятно, там вроде как Зеркало Миров их энергией подпитывает вместо крыш-травы. А тут-то с чего?

– Мой спектрометр показывать – это очень крепкий бетон, – тихо проговорил Колян. – И моя не знать, зачем было такой строить. Даже для ДОТ не нужен такой бетон...

– Зато он может понадобиться для крыши секретной лаборатории, например, – задумчиво произнес Ион. – Делали такие плиты, сверхпрочные, сверхдорогие, армированные бериллидом тантала на одном из наших заводов до Последней Войны. Дома сверху – так, маскировка, не убиваемая ни временем, ни сверхвысокими температурами, ни направленными взрывами. А под ними – огромная крышка из того же материала.

– Интересно, что же варится в подземной кастрюле, которую накрывает такая крышка? – задумчиво произнес Данила.

– А вот, твою мать, и ответ, – угрюмо проговорил Шерстяной.

Из-за ближайшего здания неторопливо вышел биоробот. Чем-то похожий на Коляна, только погабаритнее раз в пятнадцать. Эдакий бронированный паук с двенадцатью непропорционально длинными ногами, внушительным стальным коробом под брюхом и четырьмя манипуляторами, свешивающимися с туловища, расположенного на высоте второго этажа.

– Это не ответ, – замороженно проговорил серв. – Это Коллектор. Робот-собирающий. Не двигаться! Может, он нас не заметит.

– Даже боюсь предположить, что он собирает, – сказал Данила, прикидывая шансы на спасение.

Нет, похоже, не уйти. Судя по движениям, робот очень маневренный, что при его габаритах вполне объяснимо – не будешь уметь шевелиться, подстрелят на поле боя в два счета. К тому же эта штукавина еще и прятаться умеет хорошо. Небось ноги под себя поджимает, на землю опускается и становится эдаким незаметным пригорком, облепленным грязью. Не зря ж группа этого «Коллектора» проглядела, когда он прятался за относительно невысоким строением.

– Он собирать биологический материал на поле боя, чтобы кормить большой боевой машиной. А еще он собирать...

Камеры-глаза Коляна вращались чуть не на триста шестьдесят градусов. Похоже, робот отчаянно и тщетно просчитывал варианты спасения.

– ...а еще, помимо трупов и раненых хомо, он собирает бесполезных покалеченных роботов на запчасти, – закончил за Коляна Шерстяной. – Я прав?

– Некоторые из них эволюционировать и заниматься самостоятельной охотой, – не замечая язвительного тона Шерстяного, продолжал Колян. – Правда, у этой модели есть слабый звено – часто барахлит датчик движений. Может, этот тоже плохо видит неподвижный объект и пройт мимо?

Вся четверка с надеждой смотрела на биоробота, замершего словно в раздумье. Помятые и поцарапанные бока био повидали всякого за двести лет, и было понятно, что робот за это время научился выживать не хуже любого мутанта.

«Не видит нас? Или прикидывает шансы на победу? – подумал Данила, – Хорошо бы если первое. Потому что, если он бросится...»

Додумать дружинник не успел. Неожиданно робот резко присел на всех своих ногах – и прыгнул прямо через живую реку огненного мха, к замершей четверке путников.

Четыре автомата одновременно выплюнули четыре очереди навстречу стальному монстру. Но толку от этого было немного. За грохотом АК путники слышали лишь визг рикошетов и жуткий скрип сервомоторов, приводящих в движение многочисленные ноги «Коллектора». А потом к ним с высоты ринулись разверстые челюсти манипуляторов.

– Ты куда меня прёшь, козлина!!!...

Вопль Шерстяного потонул в грохоте раскрывшегося люка. Четыре манипулятора робота сработали почти одновременно. Стальной короб под брюхом биоробота оказался своеобразной корзиной, куда Коллектор быстро, но аккуратно загрузил отчаянно сопротивляющуюся добычу, а также их автоматы, собранные с земли и добросовестно искореженные. При этом перед загрузкой пленников в короб робот обстоятельно ощупал их манипуляторами и поломал все, что могло сойти за оружие.

...Темноту прорезал луч прожектора.

– Вы как? – осторожно спросил Колян, поочередно высвечивая бледные лица спутников.

– Чёрт... вроде нормально, – первым отозвался Ион. – Когда он меня схватил, я думал – все, пиесц мне приснился. Ан нет, вроде цел.

– Я тоже вроде в порядке, – сказал Данила, рассматривая в свете прожектора слегка погнутые звенья кольчуги. – И рюкзак с шамиритом цел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.